

INSPIRIA Продолжение бестселлера
«Жена убийцы»

НОЧНЫЕ

ТВАРИ

Будешь моим
новым шедевром?

ВИКТОР МЕТОС

INSPIRIA

Виктор Метос
Ночные твари
Серия «Ток. Внутри убийцы.
Триллеры о психологах-профайлерах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67248854
Ночные твари / Виктор Метос ; [перевод с английского С. М. Саксина].: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166289-9

Аннотация

Продолжение бестселлера «Жена убийцы», проданного в России тиражом более 20 000 экземпляров. Высокие рейтинги книги на Amazon и Goodreads. Гремучая смесь Майка Омера и Рейчел Кейн. Книга, написанная профессионалом, побывавшим по обе стороны уголовного правосудия – на месте и прокурора, и адвоката.

Одержимый картинками загадочного африканского художника, он воплощает их в своих жестоких убийствах. Чтобы поймать маньяка, нужно понять изощренный смысл этих картин...

Черные туники. Туго обмотанные вокруг головы бинты, насквозь пропитанные кровью. Ногти обрезаны, волосы острижены, на коже следы отбеливателя. Так выглядят жертвы убийцы, прозванного Палачом с Багряного озера...

Фанат безумного кенийского художника Сарпонга, он воплощает в реальность его кровавый цикл «Ночные твари». Никто не знает, какой смысл вкладывал Сарпонг в свои холсты. Но маньяк явно видит в них некую идею. Какую же?

Чтобы это понять, прокурор Джессика Ярдли должна обратиться за помощью к бывшему мужу – ждущему казни серийному убийце. Тот не только знаток психологии психопатов, он сам художник. Но пойти на такое – выше ее сил... Тем временем убийца готовится «очеловечить» очередную картину. Героиней которой вполне может стать сама Джессика...

«Мрачная книга, мрачная. И еще раз мрачная. Но тех, кто открывает ее, ждет незабываемая история». – Kirkus Reviews

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	61
Глава 11	71
Глава 12	77
Глава 13	82
Глава 14	92
Глава 15	99
Глава 16	106
Глава 17	113
Глава 18	124
Глава 19	130
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Виктор Метос

Ночные твари

Victor Methos
Crimson Lake Road

Text copyright © 2021 by Victor Methos. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in
collaboration with Synopsis Literary Agency

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2022

Глава 1

Прижимаясь к наружной стене домика, специальный агент ФБР Кейсон Болдуин достал пистолет. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться, но все равно по телу разливалась нервная волна адреналина. Оглянувшись на виднеющиеся в полумраке силуэты помощников шерифа, Болдуин кивнул.

Поднял три пальца... затем два... затем один.

Размахнувшись тяжелым тараном, следователь Лукас Гаррет выбил входную дверь и отскочил в сторону. Все остальные хлынули в домик. Электричества в заброшенном строении не было, слабый лунный свет почти не проникал в окна. Болдуин поднял свободной рукой фонарик.

По всему домику зазвучали крики «Чисто!», говорящие о том, что осмотрена очередная комната.

– Здесь! – послышался голос из кухни. Болдуин поспешил туда.

Женщина лежала на кухонном столе, рядом стоял молодой помощник шерифа в форме. Он окаменел, и Болдуин его прекрасно понял: не каждый день местные полицейские и даже сотрудники ФБР сталкиваются с таким чудовищным зрелищем.

Подошедший к Болдуину Гаррет произнес:

– Остальной дом пуст. Никаких его следов.

Болдуина нисколько не удивило то, что тот лишь мельком взглянул на тело, – он давно знал, что Гаррет, бывший армейский сержант-инструктор, а ныне ветеран отдела расследования убийств департамента шерифа округа Кларк, невосприимчив к жутким картинам мест преступлений.

– Проекторы у нас есть? – спросил Болдуин, проводя лучом фонарика по телу. На жертве была черная туника¹, закрывавшая тело от шеи до бедер. Голова была полностью обмотана белыми бинтами, в районе лица насквозь пропитанными кровью. Татуировки сложного рисунка покрывали руки.

– Я послал помощника за светом.

При таком освещении определить было трудно, но Болдуину показалось, что перед тем, как женщина умерла, ее избили. Патологоанатом предположил, что Кейти Фарр, первая жертва, перед смертью была избита.

Прежде чем забинтовать Кейти Фарр, которую обнаружили четыре недели назад, убийца сделал бритвой надрез между бровями, достаточно глубокий, чтобы кровь пропитала толстую плотную повязку. Одинокий надрез, вспоровший кожу, казался третьим глазом.

– Это дерьмо начинает мне надоедать, Кейсон, – вздохнул Гаррет. – Слишком уж давно я этим занимаюсь.

Болдуин посветил фонариком на босые ноги жертвы.

– Тут я с тобой полностью солидарен, братишка.

---

¹ Здесь: длинная свободная блузка.

– Только не говори мне, что ты подумываешь о том, чтобы уйти. Полагаю, в Бюро ты будешь работать до конца своих дней.

Болдуин оглянулся на дверь, где вполголоса возбужденно разговаривали помощники шерифа. Где же чертов прожектор?

– Сам не знаю, о чем думаю. Но видеть вот это, – он кивнул на труп, – изо дня в день до конца своей жизни – не так мне хотелось бы провести свои золотые годы.

Гаррет кивнул.

– Согласен. – Склонившись над забинтованным лицом, он сказал: – Надеюсь, девочка, ты ушла быстро.

Внезапно ожив, тело резко дернулось.

Едва не свалившись со стола, оно забилося в судорогах, жадно втягивая воздух, из-под бинтов вырвался сдавленный крик. Отскочив назад, Гаррет зацепился за стул и с размаха налетел на стену. Молодой помощник шерифа вскинул револьвер и положил палец на спусковой крючок.

– Опусти оружие, черт побери! – подняв руку, заорал Болдуин.

Помощник шерифа, выпучив глаза, с трясущимися руками, опустил. Гаррет поднялся на ноги, извергая проклятия.

– Сейчас я прикоснусь к вашим плечам, – обратился к женщине Болдуин. Он уложил ее на стол, но она начала вырываться и попыталась оцарапать ему лицо. – Держите ее за руки!

Помощник шерифа застыл на месте, и Болдуин прикрикнул на него:

– Ну-ка, соберись! Мне нужно, чтобы ты держал ее за руки.

Убрав револьвер в кобуру, помощник шерифа прижал руки женщины к столу.

– Дай мне свой нож, – протянув к Гаррету руку, сказал Болдуин.

Тот передал нож, висевший на поясе. Как можно осторожнее Болдуин разрезал сбоку бинты. Они открыли лицо, липкое от крови. Женщина в страхе широко раскрыла глаза.

– Все хорошо... – сказал Болдуин. – Все хорошо, теперь вы в безопасности.

Женщина принялась судорожно всхлипывать, по-прежнему стараясь его ударить.

– Нужна медицинская помощь! – крикнул Болдуин. – Быстро!

Глава 2

«Реджи» – принадлежащее двум бывшим дорожным патрульным заведение в Лас-Вегасе, которое облюбовали местные полицейские. Там всегда многолюдно и пахнет спиртным и табачным дымом, а вся еда жирная. Помощник федерального прокурора Джессика Яртли побывала там всего один раз, увидела двух следователей, нюхавших кокаин, высыпанный прямо на столик – никто даже не взглянул в их сторону, – и больше туда не возвращалась.

Пожилая бездомная сидела перед «Реджи», выклянчивая милостыню. Мужчина, шедший в сопровождении двух женщин – все трое уже изрядно навеселе, хотя было еще утро, – протянул ей двадцатидолларовую бумажку. У старухи озарилось лицо, растянулось в улыбке, разгладившей морщины.

Однако в самую последнюю секунду, прежде чем пальцы бездомной успели прикоснуться к купюре, мужчина отдернул ее, и трое, громко рассмеявшись, вошли в бар. Оставив бездомную смотреть им вслед, гадая, почему люди могут быть такими бессмысленно жестокими.

Достав из бумажника двадцатку, Яртли протянула ее старухе.

Болдуин сидел в отдельной кабинке один, хотя освещение в зале было таким тусклым, что Ярдли пришлось оглядеться дважды, прежде чем она его увидела. Перед ним бы-

ли тарелка с бифштексом и пиво. Он снял куртку, и бицепсы растянули рукава футболки, демонстрируя жилистые синеватые вены, появившиеся за последний год, с тех пор как он начал заниматься с гантелями. Одно время у него были проблемы – опиаты, – и сейчас Ярдли была рада видеть его в полном здравии. Временами при виде Болдуина она испытывала укол сожаления, напоминающего ей о том, что между ними когда-то было что-то, однако они это упустили. Что-то такое, что должно было случиться, но не случилось. Ярдли увидела это снова, когда он ей улыбнулся.

Она села напротив.

– Значит, это правда? – спросил Болдуин. – Выбрасываешь полотенце?

Подошла официантка, Ярдли заказала пиво и откинулась назад на подушки. Посетители громко закричали, следя за баскетболом на экране большого телевизора. Она дождалась, когда шум затихнет.

– Я бы описала это не так.

– А как?

– Просто устала, Кейсон. Когда длительное время имеешь дело с сумасшедшими, это начинает просачиваться в тебя.

– Только что имел в точности такой же разговор с одним следователем. – Он отправил в рот кусок бифштекса. – Но вот что я подумал. Ты работаешь в правоохранительных органах или прокуратуре слишком долго и начинаешь воспринимать все как черное и белое: плохие ребята и хорошие ре-

бятя. Однако есть и серые зоны. Быть может, тебе следует перевестись на другую работу и больше сосредоточиться на этих зонах? Возможно, ты удивишься, обнаружив, что жизнь нельзя свести только к черному или белому.

Принесли пиво, и Ярдли отпила маленький глоток. Оно оказалось теплым и чересчур пенным.

– У меня начинается судебный процесс. Мужчина убил своего пасынка, потому что тот пробил дыру в стене, передвигая вешалку. Ударил молотком и проломил череп. Меня уже больше ничто не удивляет, кроме того, из-за какихглупостей люди убивают друг друга.

Болдуин отхлебнул пива, продолжая смотреть ей в глаза.

– Осталось две недели, правильно?

Она молча кивнула.

Болдуин достал серебристую флешку и положил ее на стол.

– Прежде чем уйти, не взглянешь вот на это – ради меня? Скорее всего, этим станет заниматься уже тот, кто тебя сменил, но будет просто замечательно, если ты все с ним обсудишь.

– Что это?

– Убийство и покушение на убийство. Считаем, имело место сексуальное насилие, так что, если захотим, дело заберет Бюро. Однако сейчас им занимается департамент шерифа. Оба эпизода связаны между собой. Ты поймешь почему, когда выслушаешь мой рассказ.

– Не надо, Кейсон. Я все равно ухожу.

– Знаю. И не пытаюсь заставить тебя остаться. Просто думаю, что тебе следует на это взглянуть. Кстати, кто тебя сменил?

– Кайл Джекс. Он переводится из отделения в Вайоминге. Молодой. Кажется, ему всего двадцать восемь... До сих пор ему еще не приходилось работать с преступлениями сексуального характера.

Отпив большой глоток пива, Болдуин задумчиво произнес:

– Что ж, в таком случае это очень дерьмовое начало.

* * *

Ярдли долго добиралась к себе домой в Уайт-Сэндс, штат Невада. Две недели. Она сказала Болдуину правду: у нее не было никаких сомнений относительно того, чтобы покинуть федеральную прокуратуру, свой дом и Лас-Вегас. Здесь произошло слишком много плохого. Но было также и хорошее – дорогие воспоминания, которые она сохранит до конца жизни, и Ярдли постаралась сделать так, чтобы последними ее впечатлениями были именно они.

Одним из этих замечательных чудес была ее дочь. Всего семнадцать лет, но уже гений. Когда Ярдли вернулась домой, Тэра отправилась на работу: испытательный срок в компании робототехники, разработка машинных обучающих algo-

ритмов. Джессика не понимала ее объяснения, чем именно она занимается, но девушка заверяла мать, что однажды это революционным образом изменит весь мир. Ярдли верила ей, и это была одна из причин, почему она считала, что момент выбран самый подходящий: Тэра твердо встала на ноги.

Оказавшись одна, Ярдли долго принимала горячий душ, затем надела шорты и футболку и налила бокал белого вина. Сев перед компьютером, какое-то время смотрела на флешку, которую ей дал Болдуин, поглаживая пальцем гладкий серебристый пластик.

Глубоко вздохнув, Ярдли откинулась на спинку кресла и уставилась в потолок. Она подумала о новом доме, который покупала в маленьком городке Санта-Бонита. Раскидистое дерево во дворе не пропускало солнечный свет в окна фасада. Ярдли недоумевала, почему предыдущий владелец его не спилил, но у нее это значилось первоочередным делом. Она хотела, чтобы ее новая жизнь наполнилась солнечным светом: перестав быть черно-белой и даже серой.

Две недели.

Ярдли вставила флешку в компьютер. Она прочитает отчеты, но и только. Нет ни желания, ни сил.

Отчеты были краткими. Две жертвы: Кейти Фарр, умерла, и Энджела Ривер, которую нашли живой меньше чем в миле от того места, где был обнаружен труп Кейти Фарр. На обеих женщин натянули черные туники, головы у обеих были обмотаны белыми бинтами. Нападавший разрезал им лоб меж-

ду бровями, по предположению патологоанатома, лезвием бритвы, отчего бинты насквозь пропитались кровью. Тщательное обследование показало наличие следов сексуального насилия: незначительные травмы, различимые с помощью кольпоскопа², а в вагинальном канале Кейти Фарр обнаружена сперма. Обе жертвы подверглись избиениям.

Энджела Ривер помнила только ослепительную боль в голове от удара чем-то твердым по затылку, когда она подошла к своей машине на стоянке перед торговым центром, после чего пришла в себя уже на столе. Задышающаяся, уверенная в том, что ослепла, до тех пор пока Болдуин не разрезал бинты. На коже обеих женщин были обнаружены следы отбеливателя. Ногти у них были обрезаны, волосы острижены. Убийца или убийцы хотели, чтобы они после смерти были абсолютно чистыми.

Кейти Фарр была найдена сидящей на деревянном стуле в пустом домике. Для того чтобы удержать ее тело на месте, был использован медицинский клей, марку которого установить не удалось. Вскрытие установило, что смерть явилась следствием отказа внутренних органов, хотя причина этого отказа пока что не определена. Анализ крови не выявил в крови Кейти Фарр ничего, кроме алкоголя и лекарств от депрессии и тревоги, а в крови Энджелы Ривер вообще ничего не было обнаружено.

---

² Кольпоскоп – прибор с объемным изображением для исследования женских внутренних половых органов.

Оба преступления произошли недалеко от Лас-Вегаса, в районе, известном как Кримзон-Лейк-роуд³.

Ярдли открыла папку с фотографиями и видео, сделанными криминалистами.

На первом снимке сидела на стуле Кейти Фарр. Сердце Ярдли пропустило удар, она тихо ахнула. Затем быстро перешла к наброскам: в каком положении лежала Энджела Ривер. Долго смотрела на них, после чего отправила текстовое сообщение Болдуину:

Нужно встретиться, срочно.

---

³ Дорога у Багряного озера (англ.).

Глава 3

Исправительное учреждение Лоу-Дезерт-Плейнс внешне напоминало бункер на случай ядерного взрыва. Тэра Ярдли какое-то время смотрела на него со стоянки, доедая картошку фри и запивая газировкой.

Она выбросила пустую упаковку в мусорный бак перед входом. Ей нравилось приходить за час до закрытия. К этому времени уставшие охранники уже выполняли свою работу чисто механически; они ни разу не изучили придиричиво ее удостоверение и не задали много вопросов.

Мать была уверена, что она на практике, и Тэра неизменно ощущала укол стыда, приходя сюда, потому что приходилось лгать. Однако она делала это ради своей матери, уверенная в том, что в долгосрочном плане это для их общего блага, даже если б мать пришла в ужас, узнав правду.

Зарегистрировавшись и пройдя досмотр, Тэра прошла через металлоискатель. Охранники изучили ее удостоверение – хорошую подделку, утверждающую, что ей уже двадцать два года, – а также поддельную журналистскую карточку, согласно которой она была корреспондентом «Лас-Вегас сан». Тэра действительно подумывала какое-то время о том, чтобы податься в журналистику. Разъезжать по всему миру, занимаясь расследованиями, – это казалось захватывающим, однако в конце концов она поняла, что подобное ремесло в са-

мое ближайшее время станет не востребуемым. В ближайшем будущем не останется никаких старых профессий: сейчас на острие машины и машинное обучение. Машины будут брать на себя все большую роль в обществе, и Тэра была этому рада. Машины бесчувственные. Машины не смогут выбирать зло.

В блоке для приговоренных к смерти редко бывало тихо, однако сегодня здесь ощущалась полная подавленность. Возможно, все дело было в погоде. Тэра где-то прочитала, что погода сильно влияет на настроение приговоренных к смерти, и ей было любопытно, какая стояла в тот день, когда они совершали свои преступления. Наверное, мрачная и унылая.

В комнате царил холод, и металлический табурет был очень неудобный. Это не имело значения. В этом учреждении ничего не создавалось с расчетом на удобства.

Вскоре привели Эдди Кэла. Он сел напротив за покрытым защитной пленкой стеклом. Тэра посмотрела на его седеющие волосы и бледные руки, год назад бывшие более массивными и мускулистыми. Возраст постепенно съедал его. Время не пощадило ее отца, презренного убийцу десятка человек, «Темного Казанову», терроризировавшего Лас-Вегас на протяжении трех лет, – как не щадит и всех остальных людей⁴.

Дождавшись, когда тюремщик покинет комнату, Тэра до-

---

⁴ Здесь и далее: все события, имеющие отсылки к прошлому, описаны в романе В. Метоса «Жена убийцы».

стала из потайного кармашка в сумочке маленькое устройство и положила его на колени. Это устройство она изготовила своими руками. Оно будет испускать звуковой сигнал высокой частоты – охранники ничего не услышат, а записывающая аппаратура, установленная в комнате, зафиксирует лишь невнятный шум.

– Ты его нашла? – спросил Кэл.

– Да. Ты получил еду, которую я прислала?

– Получил, спасибо. По крайней мере половину всего съедают охранники, прежде чем что-то попадает ко мне, но я все равно радуюсь тому, что в коробке. Теперь ведь у меня осталось мало приятных сюрпризов.

Он улыбнулся. Хотя многим его взгляд казался пугающим, Тэра не относилась к их числу. Она знала, почему отец так смотрит на нее: все два года с тех пор, как они впервые встретились, он не переставал поражаться тому, как она день ото дня становится все больше на него похожа. Это вызывало у него восторг, а у нее отвращение.

За последние два года Тэра побывала здесь восемь раз; эти посещения не доставляли ей радости, но они были необходимы. У Кэла было нечто такое, что должно было помочь ей обеспечить будущее своей матери, чтобы той больше никогда не нужно было беспокоиться из-за денег. Тэра рассудила, что отец перед ней в долгу.

– Как дела у матери?

– Замечательно. Уходит из федеральной прокуратуры.

– С какой стати?

– Наверное, хочет чего-нибудь такого, где поменьше крови и ужасов, – Тэра пожалла плечами. – Мы переберемся в Санта-Бониту, это в паре часов от Лас-Вегаса. Для меня ездить оттуда в университет будет полной задницей, но, надеюсь, мы что-нибудь придумаем. В любом случае я в следующем году собираюсь от нее съехать.

– Это еще почему?

– Думаю, мама из-за меня не делает то, что хочет. Хорошо бы она влюбилась в кого-нибудь, однако она этого не сделает, так как боится, кого может привести в дом. У нее даже друзей нет. Если я уйду, это заставит маму искать новых знакомых. И будет к лучшему, если она оставит кое-что в прошлом.

– Ты хочешь сказать, меня?

– Не только тебя, но и все то, что пришло с тобой. Все, с чем мне приходилось мириться всю свою жизнь.

– Ты панически боишься того, что похожа на меня, – Кэл кивнул, – и надеешься на то, что это, возможно, изменится, если ты уедешь отсюда и возьмешь себе новое имя. Ты похожа на меня, и когда-нибудь тебе придется это признать.

– У нас с тобой нет ничего общего!

– Знакома с греко-римской мифологией? – медленно моргнув, сказал Эдди.

– Извини, не читаю сказок.

– Сказки – это наше всё, Тэра. Там можно найти все уро-

ки, которые пригодятся в жизни. Так называемые «научные знания» – это лишь метания от одной системы взглядов, которая со временем признается неправильной, к другой. Но сказки... они были с нами с самого начала и будут до самого конца.

– Полагаю, Эдди, в этом есть какой-то смысл? – Тэра скрестила руки на груди.

– Как-то раз боги поспорили о природе человека, – усмехнулся он. – Можно ли ее изменить? Может ли человек сам выбирать, кем он хочет быть? Зевс сказал: «Да», а Афродита возразила: «Нет». Чтобы показать ей, что она не права, Зевс превратил бродячую кошку в принцессу. Принцессу обучили изящным манерам и этикету, ей дали элегантное платье и громкий титул. Она вела себя безупречно и вышла замуж за принца. На свадьбе очаровательная молодая принцесса произвела впечатление на всех гостей.

«Вот видите, – сказал Зевс, – если кошку можно превратить в принцессу, естественно, природу человека можно изменить». На что Афродита сказала просто: «Смотри!» И выпустила мышку. Как только принцесса увидела бегущую по полу мышку, она бросилась за ней, опустившись на четвереньки, и, догнав мышку, разорвала ее зубами на глазах у гостей. Афродита была богиней красоты и страсти, поэтому она понимала, *что* у человека в сердце. Что у него в сердце на самом деле, а не что он пытается показать другим.

Сглотнув комок в горле, Тэра смотрела на своего от-

ца. Ей не нравилось видеть себя в нем, особенно в синеве его глаз. Уникальный оттенок, обусловленный, по-видимому, какой-то генетической мутацией, поскольку больше такой цвет глаз она ни у кого не видела.

— Как видишь, моя маленькая принцесса, боги учили нас, что мы не можем изменить свою природу. Мы можем скрывать ее какое-то недолгое время, но она обязательно рано или поздно проявит себя. Тебе достаточно будет лишь увидеть свою мышку, и ты поймешь, как же мы с тобой похожи друг на друга.

Глава 4

– Это Сарпонг, – сказала Ярдли, поворачивая монитор к Болдуину. Тому пришлось снять со стола коробку с вещами и поставить ее на пол, чтобы было куда сесть.

На экране была картина. Фигура в черном с головой, обмотанной белыми бинтами: темно-красная кровь пропитала бинты там, где должно было быть лицо. Руки и ноги фигуры выглядели человеческими, однако в изгибе шеи и форме головы что-то было не так. Тем не менее повязки и тунику нельзя было спутать: именно в таком облачении были обнаружены Кейти Фарр и Энджела Ривер.

– Кто такой Сарпонг? – спросил Болдуин.

– Кенийский художник шестидесятых годов прошлого века. У него есть серия полотен под названием «Ночные твари». – Ярдли кликнула, и изображение изменилось. Та же самая фигура, те же самые туника и бинты, но только теперь она сидела прямо на деревянном стуле. – Это самая первая картина. – Она снова кликнула. Фигура та же самая, уже распростертая на столе, руки раскинуты, ноги свешиваются с края. – Это вторая.

Казалось, картина была срисована с Энджелы Ривер. Поднявшись со своего импровизированного стула, Болдуин встал у Ярдли за спиной, чтобы было лучше видно.

– А это третья, – сказала Джессика.

На следующей картине фигура была подвешена за шею в каком-то помещении. Она была выпотрошена, и внутренности валялись на полу.

Четвертое полотно было самым жутким: скривившаяся фигура со шрамами, покрывающими все тело, глаза и рот наглухо защиты. Грудная клетка вскрыта и широко раздвинута. В этой фигуре почти не осталось ничего человеческого.

– Как ты это нашла? – спросил Болдуин.

Оглянувшись на него, Ярдли снова повернулась к экрану.

– Одно время Эдди был одержим этими картинами. Ни о чем другом не говорил. Он даже написал их копии у себя в студии, а закончив работу, выбросил их и больше не заводил разговор на эту тему. Эдди считал примечательным то, что картин именно четыре, но не мог понять, чем это объяснялось. Он не думал, что Сарпонг просто остановился на четырех. У него была какая-то причина выбрать именно это число. У художника было четыре жены и четыре ребенка, поэтому Эдди полагал, что это число имеет для него особое значение.

– Он догадался, какое именно?

– Не думаю, – Ярдли покачала головой. – Какое-то время он буквально заиклился на этом, но затем все забросил.

– Почему?

– Не знаю.

Как раз тут Болдуин получил текстовое сообщение от Скарлетт Чамберс, молодой женщины, с которой он встре-

чался. Она спрашивала, почему он последние два дня не отвечал на ее звонки. Болдуин ощутил укол стыда. Скарлетт была очень милая и умная, и, похоже, он ей нравился, они много говорили обо всем, от политики до космоса... но не хватало *того самого*. *То самое* нужно всегда.

Скарлетт не видела то, что видел он. Она не строила вокруг себя глухую стену: юмор висельника, чтобы спасти свою человеческую сущность, рассудок или то, как это сейчас называется, черт возьми. При третьей или четвертой встрече Скарлетт спросила у него, как прошел день, и Болдуин описал ей дело, которым занимался: молодая мать отравила собственных детей. В глазах у Скарлетт появились слезы, и агент не мог понять, в чем дело, однако теперь он понимал: у нее не было *того самого*. Вот почему многие сотрудники правоохранительных органов заводят серьезные отношения только с коллегами по работе.

Болдуин ответил, что перезвонит позже.

– Этот художник еще жив? – Он скрестил руки на груди.

– Нет. – Ярдли откинулась на спинку кресла. – Умер от передозировки героина. Эта серия картин – единственное, что осталось от его работ. Ему потребовалось шесть лет, чтобы написать все четыре полотна.

Болдуин долго разглядывал третью картину – фигуру, висящую под потолком. Не сразу до него дошло, что она висит на своих собственных внутренностях.

– Что означают эти картины?

– Они означают, – сказала Ярдли, выводя на экран рядышком все четыре, – что у тебя будут еще две убитых.

Глава 5

Болдуин задержался у нее допоздна, разбирая материалы дела, но сегодня была суббота, и Ярдли захотелось пообедать вне дома. Тэра вчера вернулась поздно, а сегодня встала рано, сказав, что хочет поработать несколько часов на практике, поэтому Ярдли решила отправиться на Стрип⁵.

Она выбрала ресторан в гостинице «Венеция». Ее усадили за столик с видом на канал. Мимо проплывали гондолы с туристами, гондольеры пели итальянские песни, зеваки снимали все это на сотовые телефоны.

Вернувшись домой и застав мать вместе с Болдуином, склонившимися над материалами дела, Тэра понимающе усмехнулась. У Болдуина был мягкий взгляд, и от него всегда пахло парфюмом с ароматом амбры, который очень нравился матери. Запах сочных груш. В свое время та недолго встречалась с Болдуином, и порой Тэра гадала, на что были бы похожи длительные отношения с ним.

Однако последний ее дружок сидит за решеткой. Бывший муж ожидает исполнения приговора в камере смертников. Ее сразило бы наповал, если б и Болдуин оказался серийным убийцей.

---

⁵ Лас-Вегас-Стрип – семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас за пределами официальной городской линии, где находится большинство крупнейших гостиниц и казино.

Джессика трогало то, что ее дочь питала в отношении ее романтическую надежду. Но у них с Болдуином уже была одна попытка, и они пришли к выводу, что им лучше быть просто друзьями. После того как всплыли преступления Эдди, Ярдли лишилась всех их общих друзей; затем то же самое повторилось с Уэсли. Поэтому она окунулась с головой в работу и воспитание дочери. У нее не было близких друзей, которых можно было бы пригласить на обед, – но, быть может, такое положение дел она исправит в новой жизни, после переезда. Сегодня же достаточно и того, что вокруг так много людей.

Ярдли помешала ложечкой кофе, размышляя о Кейти Фарр и Энджеле Ривер. Кейти Фарр было сорок лет, Ривер – тридцать три. Болдуин не смог обнаружить в их жизнях ничего общего: ничего, что указывало бы на то, чем эти женщины привлекли к себе внимание возможного серийного убийцы. Ривер до сих пор еще даже не выписалась из больницы. Потребуется много времени, чтобы обнаружить хоть какую-нибудь связь между ней и Фарр.

Ярдли взглянула на телефон, проверяя время. Скоро в больнице «Сент-Винсент» начнется время посещений. Оставив на столе деньги за кофе, она направилась к выходу.

* * *

Палата Энджелы Ривер находилась на четвертом этаже. Остановившись у открытой двери, Джессика заглянула

внутри. Ривер лежала на койке, стиснув руки, словно в молитве. Глаза ее были закрыты, она издавала слабые звуки. Ярдли подумала было о том, чтобы прийти в другой раз, но тут Ривер открыла глаза.

– Извините, – сказала Ярдли. – Не хотела вам мешать.

– Все в порядке. Я не спала.

– Меня зовут Джессика Ярдли. Я работаю в федеральной прокуратуре. Можно мне войти?

– Конечно.

Следом за Ярдли в палату зашла медсестра, поставила на столик кувшин с водой и попросила Ривер нажать кнопку вызова, если ей опять станет плохо. Это напомнило Ярдли о том, что они до сих пор не знают, чем пользовался убийца, пытаясь прикончить свою жертву.

Она изучила татуировки на теле Ривер. Переплетающиеся цветы на руках и картины природы на ногах. Большой бело-голубой лотос украшал правое плечо. Нос был проколот, зеленые глаза светились молодой энергией, отчего Ривер выглядела значительно моложе своих лет. На запястье был гипс. Болдуин предположил, что ее привезли на Кримзон-Лейк-роуд в багажнике и, вероятно, похититель в спешке случайно ударил крышкой багажника по руке.

После того как медсестра ушла, Ярдли присела на край койки – но не слишком близко – и сказала:

– Мне нравятся ваши татуировки.

– О, – ответила Ривер, – это у меня вроде хобби. Кто-то

собирает марки, а я коплю вот это. — Она указала на хризантему, извивающуюся вокруг здорового запястья. — Вот эту мне сделали в Индии. — Указала на орхидею на бедре. — Вот эту — в Японии, аиста на лодыжке — в Шанхае... Из каждой поездки я привожу новую татуировку. Как будто забираю с собой частичку места, понимаете?.. Вы много путешествуете?

— Нет, к сожалению. Если честно, я до сих пор ни разу не была за границей. А что с этим лотосом?

— О, просто у меня некрасивая родинка на плече. Огромная. В детстве над ней всегда смеялись. Так что эту татуировку я сделала, когда мне было шестнадцать, и с тех пор ношу футболки и прочее без рукавов.

— Очень красиво.

Ривер приподнялась и уселась, подобрав под себя ноги. До сих пор Ярдли старательно не смотрела ей на лоб, но теперь бросила взгляд. Толстая полоса проходила от одной брови к другой, там, где сделали разрез бритвой, и Ярдли представила себе, какую боль ощутила Ривер, когда пришла в себя. На рану было наложено по меньшей мере десять швов. Лицо Ривер было покрыто синяками, один подбитый глаз затек, нижняя губа рассечена. У нее был такой вид, будто она побывала в аварии.

— Узнать себя по-настоящему нельзя, если не путешествуешь по миру, — сказала Ривер. — Нужно понять, как ты будешь вести себя там, где тебе неуютно. Как будешь общаться

с людьми. Вот я, например, поняла, что слишком легко доверяю людям, когда в Бангкоке у меня украли все мои вещи.

– Это ужасно. И что вы сделали?

– Ну, пару дней я вынуждена была думать только о том, как выжить, – Ривер пожала плечами. – Одна милая вдовушка сжалилась надо мной и накормила меня, затем я добралась на попутках до американского посольства. Пожалуй, это был весьма любопытный опыт. Возможно, вселенная пыталась мне показать, что не так уж страшно всё потерять.

Она повернулась, и Ярдли увидела под сползшим с другого плеча больничным халатом еще одну татуировку.

– А на другом плече у вас что?

– Это скандинавская руна. Она означает человека, который сам кует собственную судьбу. – Какое-то время ее лицо было печальным, затем она улыбнулась. – Извините, вы заговорили со мной о путешествиях и татуировках, а об этом я могу распространяться вечно. Но вы, несомненно, пришли сюда с какой-то иной целью...

Все жертвы реагируют на травму по-разному. Одни замыкаются в себе и не говорят по несколько дней или даже недель – а иногда, если травма достаточно серьезна, и вообще больше никогда не говорят. Другие натягивают счастливую маску и делают вид, будто ничего не произошло. Остальные оказываются где-то между. Ярдли решила, что Энджела Ривер до сих пор еще не осознала в полной мере то, что с ней произошло, не позволила своему рассудку принять и

проанализировать это. И, если завести разговор прямо сейчас, это может ее сломать.

– Просто хотела проведать вас, – сказала она. – Узнать, не нужно ли вам что-либо.

– О, вы так любезны... Но на самом деле всё в порядке. Хотя медицинский персонал, вероятно, думает иначе. Сейчас им приходится со мной нелегко. До этого за мной ухаживал медбрат, и я как-то... даже не знаю... оцепенела. Поэтому попросила, чтобы мною занимались только медсестры и врачи-женщины, а их сейчас всего двое.

– Учитывая то, что вам пришлось пережить, это законная просьба.

– Пожалуй, – пожав плечами, сказала Ривер. Сняв с руки браслет-талисман, она принялась потирать бусины. – Кажется, вы сказали, что работаете в прокуратуре?

– Да.

– То есть вместе с полицией, верно?

– Да. Меня попросили взглянуть на вашу ситуацию и посмотреть, смогу ли я чем-либо помочь.

– На мою ситуацию? Вы хотите сказать, на то, что меня похитили и едва не убили?

Ярдли ничего не сказала.

– Извините, – сказала Ривер. – Меня частенько называют слишком прямолинейной. Но я не верю, что нужно притворяться, выдавая желаемое за действительное. Правда всегда лучше. – Она перевела взгляд на браслет. – Я знаю, что со

мной произошло. Если хотите, можем говорить об этом.

– Вы уверены?

Посмотрев Ярдли в лицо, Ривер меланхолично усмехнулась.

– Послушайте, я осталась в живых. Судя по тому, что мне сказали полицейские, была другая женщина, которая умерла. По-моему, я не имею права капризничать.

– На мой взгляд, вы имеете полное право вести себя так, как считаете нужным,

– С вашего позволения я хотела бы сделать кое-что, – Ривер улыбнулась. – Я хотела бы прочесть вашу ауру.

– Мою ауру?

– Да, – Энджела кивнула. – Если мы будем разговаривать, я ведь должна знать, с кем имею дело, правильно? Итак, дайте мне свои руки.

Поколебавшись мгновение, Ярдли протянула обе руки. Глядя ей в глаза, Ривер взяла ее руки, затем чуть отвернулась в сторону, словно наблюдая периферийным зрением.

– Аура есть у всего, – объяснила она. – У растений, животных, у земли... у всего. И она рассказывает гораздо больше любых слов...

Сделав глубокий вдох, Ривер закрыла глаза. Открыв их, она долго и пристально смотрела на Ярдли. Наконец тихо произнесла:

– Простите меня.

– За что?

– У вас на груди ярко-красный цвет. Будто красное покрывало.

– Что это означает?

Ривер крепко стиснула ей руки.

– Это означает «сердце вдребезги». – Отпустив руки Джессики, она легонько потерла их большими пальцами, словно успокаивая ее. – Боли очень много. Не представляю себе, как вы все это выносите.

Сглотнув комок в горле, Ярдли осторожно высвободила свои руки.

– Вам нужно отдохнуть. Я и так отняла у вас много времени.

– Извините, если обидела...

– Нисколько.

– Все мы когда-нибудь ломаемся. Но если знать, где потом придется чинить, мы заранее укрепляли бы эти места.

Ярдли встала.

– Мне пора.

– Завтра меня выписывают. Вы йогой занимаетесь? У меня студия йоги. Просто небольшое помещение, где я обучаю по своей собственной методике йоге радости. Никогда не пробовали?

– Нет.

– Думаю, вам полезно с вашим сердцем. Загляните как-нибудь.

– Было приятно с вами познакомиться, Энджела, – Ярдли

слабо улыбнулась.

– Энджи. И мне тоже было приятно познакомиться с вами.

Зайдя в кабину лифта, Джессика прислонилась к стенке, чувствуя на дне желудка щемящую тяжесть. Ривер сказала «сердце вдребезги». Не просто разбито.

Это выражение пронзило Ярдли насквозь своей точностью. Она пришла сюда, полагая, что ей придется утешать Энджелу Ривер, однако на самом деле это Ривер утешала ее.

Глава 6

Федеральное здание представляло собой массивный куб из стекла и бетона. Оставив машину на подземной стоянке, Ярдли открыла своим пропуском две двери, прежде чем попала к себе в кабинет. Рой Лю, старший прокурор уголовного отдела, кивнул ей, встретившись с ней в коридоре. Он только что получил назначение на должность заместителя генерального прокурора в Вашингтоне. Но Ярдли даже не предложили участвовать в конкурсе на его место. Бывшей жене серийного убийцы, ожидающего приведения в исполнение смертного приговора, никогда не позволят занять влиятельное положение в самой могущественной прокурорской службе мира.

Включив компьютер, Ярдли оставила без внимания сорок семь непрочитанных сообщений в ящике электронной почты, сразу же открыв материалы по делу, судебный процесс по которому должен был начаться в ближайшее время: мужчину обвиняли в том, что он проломил молотком голову своему двадцатилетнему пасынку. В федеральный суд это дело попало только потому, что преступление было совершено на территории индейской резервации.

Через несколько минут Ярдли поймала себя на том, что уже в третий раз подряд перечитывает один и тот же абзац отчета о вскрытии, и поняла, что больше не сможет работать.

В поисковике она запросила информацию о похищении Энджелы Ривер.

Сегодня утром в «Лас-Вегас сан» вышла большая статья, посвященная этому делу. Криминальный репортер Джуд Чанс, журналист-фрилансер, регулярно продавал свои заметки в различные газеты, и его блог в интернете был одним из самых популярных в Неваде и Калифорнии. Ярдли несколько раз прибегала к его услугам, чтобы слить в прессу детали дел, которые хотела предать огласке, взамен предоставляя ему определенную информацию по другим делам.

Чанс окрестил преступника «Палачом с Багряного озера», и Ярдли почувствовала, что это прозвище закрепится.

Не знаю как вы, народ, но ваш покорный слуга побывал в самом сердце тьмы. Проработав криминальным репортером шесть лет, я полагал, что имею неплохое представление о том, на что способны люди. «Плавали, знаем», – думал я.

Так вот, Палач с Багряного озера заставил меня пересмотреть свое место в иерархии криминального опыта. Палач никуда не торопится, он уделяет своим жертвам много времени. Сначала он очищает их, как сообщил мне источник, близкий к расследованию. Отмывает с мылом и оттирает тело отбеливателем. Остригает им волосы и обрезает ногти, подобно маленькой девочке, играющей со своей самой любимой и дорогой куклой. И занимается он этим стро-

го в одном месте: Кримзон-Лейк-роуд. У этого места грязная история пороков, которые уничтожили целый городок, оставив лишь несколько заброшенных домиков на берегу озера. Призраков здесь гораздо больше, чем живых людей. И именно это место Палач называет своим домом.

Обе женщины были обнаружены в заброшенных домах, расположенных меньше чем в миле друг от друга. Хозяева покинули их, поскольку налоговая задолженность превысила стоимость самих жилищ. Тамошние домики на протяжении многих лет собирали пыль и паутину, пока Палач их не обнаружил. И какое открытие его ждало: абсолютно безлюдное место, больше чем в часе езды от ближайшего полицейского участка, ночью погруженное в кромешную темноту... Когда ваш бесстрашный репортер отправился туда после полуночи, он увидел один, всего один огонек в одном из домов, но когда постучался, чтобы поговорить с единственным жителем, никто ему не ответил. Весь город, если это можно назвать городом, состоит из теней и ржавчины.

Далее Чанс описал подробности того, как были обнаружены две женщины: забинтованное лицо, разрез на лбу, пропитанные кровью бинты, черная туника, закрывающая тело. О картинах Сарпонга ни слова.

Открыв на экране другое окно, Ярдли нашла четыре полотна. Картины были мрачные – не только из-за своего сю-

жета, но и из-за соотношения света и тени. Позади каждой фигуры за окном виднелся горящий город. Языки пламени поднимались к самому небу. Небо светилось оранжевым заревом, словно и оно объято огнем.

Что он видит, когда смотрит на это?

В ФБР серийных убийц делят на четыре категории в зависимости от того, какие мотивы ими движут: доминирующие – те, кому для сексуального удовлетворения требуется власть над другим человеком; галлюцинирующие – те, кого на преступления побуждают голоса или видения; целеориентированные – те, кто видит своей миссией полное уничтожение какой-либо группы людей, например проституток или представителей расового меньшинства; и вождедеющие – для этих насилие и секс являются одним и тем же.

Ни о каком доминировании тут речь не шла, поскольку обе жертвы все время оставались без сознания, а убийце, жаждущему доминирования, необходимо, чтобы его жертва сознавала, что полностью находится в его власти. Также Фарр и Ривер не принадлежали к какому-либо расовому, этническому или религиозному меньшинству.

Оставалось следующее: убийца повиновался галлюцинациям, побуждавшим его совершать преступления, или же им двигала похоть, хотя свидетельства сексуального насилия были минимальными; или, возможно, это вообще не серийный убийца, а преступник, совершивший убийства ради денег, из мести или по заказу, оставив ложный след, указываю-

щий на Сарпонга, чтобы сбить с толку полицию. Или совершенно новый тип серийного хищника, до сих пор не известный профайлерам ФБР...

Если убийцей движут галлюцинаторные фантазии или хоть, он не остановится, пока его не убьют или не отправят за решетку. До тех пор он будет двигаться только вперед, что для него означает убивать. Подобно тому как акула не может остановиться, иначе утонет.

Вернувшись к статье Чанса, Ярдли прочитала несколько абзацев, посвященных Энджеле Ривер. Их сопровождала фотография Ривер с ухажером. Она встречалась с неким Майклом Закари, врачом «Скорой помощи», к которому недавно переехала. На допросе Закари сказал Болдуину, что в тот вечер, когда была похищена Ривер, он лег спать рано, и никто не может подтвердить, что он никуда не выходил из дома. В тот день, когда была похищена Кейти Фарр, он, по его словам, находился на медицинской конференции в другом штате.

На фотографии Ривер широко улыбалась, сдвинув темные очки выше лба и обвив своего друга рукой за шею.

Сердце вдребезги.

Ярдли отправила по электронной почте сообщение Рою Лью, предупреждая его о том, что дело так называемого Палача с Багряного озера будет передано в федеральную юрисдикцию, поскольку существует вероятность сексуального насилия, и она хотела бы перед своим уходом бегло ознако-

миться с ним, чтобы ввести в курс дела Кайла Джекса. После чего договорилась о встрече с Джексом.

Глава 7

Новый начальник поручал Болдуину все больше бумажных дел и все меньше убийств. У Болдуина имелись кое-какие мысли насчет того, у кого можно получить больше информации об этом художнике Сарпонге, на которого указала Ярдли, однако сначала ему нужно было разобраться кое с какими бумагами, не допускавшими отлагательств.

Новый начальник заглянул к нему в кабинет после обеда и остановился в дверях. Старший специальный агент Дэна Янг выглядел именно так, как, по мнению широкой публики, и должен выглядеть сотрудник ФБР: черный костюм, белая сорочка, темный галстук. Очки с толстыми стеклами и безукоризненно зачесанные волосы с идеально ровным пробором. Янг принадлежал к бюрократам того самого типа, кого недолюбливал Болдуин: карьеристы, которым нет никакого дела до жертв расследуемых ими дел.

– Так вот, на мой взгляд, дело Палача может быть раскрыто достаточно быстро, – сказал Янг, разглядывая свои ботинки. Только сейчас Болдуин обратил внимание на то, что ноги Янга кажутся непропорционально маленькими для его тела. – Что будет очень хорошо, поскольку позволит нам высвободить ресурсы.

– Каким образом?

– Потому что мы сможем перевести эти самые ресурсы

из отдела изучения психологии преступлений. Конечно, это только мое скромное мнение, но психологи даром едят свой хлеб. Одно преступление похоже на другое, и незачем иметь целое подразделение, занимающееся таким шарлатанством, как составление психологических профилей. Я проталкиваю у руководства в Лас-Вегасе идею ликвидировать отдел и использовать двух универсальных агентов. Как только дело Палача будет раскрыто, мы сможем двинуться дальше в этом направлении, что поможет нам значительно быстрее закрыть и все остальные дела.

Болдуин уже привык к тому, что отдел изучения психологии преступлений прижимали всякий раз, когда Бюро сталкивалось с урезанием бюджета. ОИПП как раз обеспечивал взаимодействие с местными правоохранительными органами, когда тем требовалась помощь в расследовании серийных убийств. Проблема заключалась в том, что в настоящий момент к ОИПП было придано всего восемь агентов. И не в одном территориальном отделении, а во всех Соединенных Штатах. Восемь агентов, одним из которых был Болдуин, чтобы обрабатывать десятки запросов о помощи, поступающих ежемесячно, а Янг, похоже, собирался сократить их число еще больше.

– Чисто из любопытства, – сказал Болдуин. – Почему вы думаете, что дело Палача будет раскрыто быстро?

– Я провел кучу расследований убийств, – Янг пожал плечами, – и всегда объявляются свидетели. Рано или поздно.

Преступник похвалится кому-нибудь своими похождениями, тот человек возьмет телефон и позвонит нам, и на этом все закончится.

Болдуин испытал непреодолимое желание рассмеяться, но все-таки сдержался и вместо этого посмотрел Янгу в глаза.

– Дэна, всю свою карьеру в Бюро я имел дело с подобными ублюдками. Вы правы, большинство убийств раскрываются благодаря свидетелям, в том числе и серийные убийства, но только когда речь идет не о *таком* типе убийцы. Порой эти ребята даже *не понимают*, что делают. Как они могут похвалиться кому бы то ни было своими убийствами, если даже не сознают, что совершили их?

У Янга на лице мелькнуло раздражение, быстро пропавшее.

– Послушайте, я пришел сюда не спорить. А чтобы сказать, что хотел бы закрыть дело Палача как можно быстрее. В настоящий момент все наши взоры обращены на вас.

– Потому что это попало в прессу, правильно? Полагаю, вы хрена с два засуетились бы, если б никто ничего не узнал.

– Предлагаю вам последить за своим языком, агент Болдуин, – поправив галстук, сказал Янг. – После сокращения ОИПП нужно будет подыскать вам новое место, и каким оно окажется, будет зависеть от меня. – Он взглянул на часы. – Закрыть как можно быстрее, агент Болдуин. Это понятно?

– Да, понятно.

После ухода Янга Болдуин швырнул ручку на стол и потер лицо. Один его знакомый недавно уволился из Бюро и открыл дайвинг-центр на Бермудах...

Болдуин вывел на экран компьютера фотографии Бермудских островов и долго разглядывал их, после чего надел куртку и вышел из здания. Последним.

Глава 8

Ярдли обедала в одиночестве в кафе недалеко от федерального здания, наблюдая за толпой. В зал вошли подростки лет тринадцати, не больше. Одежда на них была грязной, и когда они попросили что-то у официантки, та покачала головой и сказала: «Извините», после чего они ушли. В последние десять лет молодое бездомное население Лас-Вегаса постоянно росло, и незащищенные подростки притягивали к себе самых разных хищников.

Серийные убийцы всех типов предпочитают жертв, которые не окажут сопротивления, и молодые проститутки – это как раз те, кто с готовностью последует за ними в какое-нибудь безлюдное место. Такие преступники, как Палач, выбирающие себе жертвы, которые ведут тихую, правильную жизнь, встречаются гораздо реже.

Молодой светловолосый парень поставил прямо перед входом здоровенный пикап. Войдя в зал, он огляделся по сторонам и, заметив Ярдли, направился прямо к ней.

– Джессика?

– Да.

– Я Кайл. – Не дожидаясь приглашения и не пожав ей руку, парень уселся напротив, достал из кармана леденец и развернул фантик.

У Ярдли мелькнула мысль: а что, если Лью уже давно по-

ложил на Джекса глаз и только ждал, когда она освободит место?

Несмотря на его бесцеремонность, она тепло улыбнулась.

– Рада с вами познакомиться.

Джекс обвел взглядом кафе.

– Почему вы предложили встретиться здесь?

– Просто подумала, что для разнообразия лучше выбрать что-нибудь неофициальное.

Еще раз окинув взглядом зал, Джекс отправил леденец в рот.

– Какие у вас первые впечатления от Лас-Вегаса?

– Я раньше уже много раз бывал здесь, – он пожал плечами. – Знал, во что ввязываюсь.

– На самом деле мне как раз было интересно именно это, – сказала Ярдли. – Почему вы приехали сюда?

– Что вы хотите сказать?

– То, что сексуальное насилие – это очень... специфическая область криминалистики. Многие прокуроры видят в этом неизбежное зло. Нечто такое, на что придется потратить несколько лет, если хочешь двинуться дальше к убийствам и особо тяжким преступлениям, а затем стать судьей. Никто по своей воле сюда не просится. Но вы попросились. Вот мне и хочется узнать почему.

– Наверное, хорошие возможности, – Джекс снова пожал плечами. – И мне уже надоел Вайоминг. – Какое-то время он разглядывал ее, затем сказал: – Я полагал, вы окажетесь

старше. Сказали, вы уходите в отставку...

– Ухожу. По крайней мере отсюда.

– И чем собираетесь заниматься?

– Может быть, открою частную практику. Займусь чем-нибудь спокойным вроде завещаний и контрактов. – «Чем-нибудь таким, где нет крови», – мысленно добавила Джессика.

– Я хочу вам кое-что показать, – сказала она и, достав из рюкзака компьютер, открыла материалы по Палачу. – Вот то дело, которым мы будем заниматься следующие две недели. Журналист «Лас-Вегас сан» окрестил преступника Палачом с Багряного озера, и, полагаю, прозвище окажется живучим. – Ярдли указала на список файлов. – Как видите, отчеты составлены хорошо, но все-таки я обнаружила несколько ошибок в материалах полиции округа Кларк и одну в материалах ФБР. Заключение о характере микроскопических частиц, найденных при вскрытии, оказалось погребено в списке пропавших без вести людей, составленном для второй жертвы, отчет о серологическом анализе⁶ попал во второстепенные материалы, а показания одного из свидетелей затерялись среди тридцати страниц доклада криминалистов, осматривавших место преступления. Все это я исправила без особого труда, однако крайне важно отлавливать подобные ошибки, чтобы это не привело к серьезным последствиям.

---

⁶ Здесь: исследование телесных жидкостей и выделений с места преступления.

Вы увидите, что многие следователи идут напролом, словно бульдозер, и в большинстве случаев убийств, когда преступник очевиден или есть свидетели, вроде нападения на заправку или ограбления магазина, такой подход может сработать. Но в расследовании серийных убийств, когда мотив неясен и преступник постарался замести за собой следы, все должно делаться медленно и методично. Я предпочитаю начинать с самого начала и предлагаю вам делать то же самое.

Ярдли открыла таблицу с двенадцатью разделами, озаглавленными «Метод исключения», «Анализ местности», «Криминалистическая экспертиза следовых, недолговечных и значительных материальных свидетельств» и так далее.

– Это основные области, которые вам необходимо проработать самому. Полиция и ФБР собирают доказательства, но они не могут упорядочить их так, чтобы присяжные без труда разобрались...

Достав изо рта леденец, Джекс перебил ее:

– Да... послушайте, без обид, но я работаю не так. Я много времени занимался наркотиками и провел хренову тучу дел об убийствах. У каждого свой подход, и, если честно, мне особого толку от этого не будет.

– Эти дела не будут похожи на пошедшую наперекосяк сделку с наркотиками, Кайл. В нашем случае убийцы, как правило, обладают высоким интеллектом. И вы должны будете восстанавливать ход их мыслей по имеющимся у вас доказательствам. Только так можно раскрывать такие дела.

Джекс подался вперед.

– Я окончил юридический факультет в двадцать один год и с тех самых пор непрерывно сражаюсь, доказывая, что я знаю, что делаю. У меня нет никакого желания ввязываться в пустой спор. Вы уходите, и я прекрасно понимаю стремление рассказать тому, кто идет на смену, то, чему, как вам кажется, вы научились...

– Чему, как мне *кажется*, я научилась?

– Успокойтесь, хорошо? – Джекс вздохнул. – Я просто хочу сказать, что у меня есть свой метод ведения дел, который меня никогда не подводил, и составления таблиц в нем не значатся. – Он разгрыз леденец и прожевал его, затем встал и положил пластиковую палочку на салфетку. – Я взгляну на материалы и выскажу свое мнение.

Вальяжной походкой Джекс направился к выходу. «Ролекс» у него на запястье сообщил Ярдли, что он любит показной блеск.

Теперь можно уезжать. Новый дом ждет ее. Просто передать оставшиеся дела и уехать. Вряд ли Джекс или Лью будут возражать.

Палец Ярдли скользнул по сенсорной панели. Она открыла досье на Энджелу Ривер, присланное Болдуином.

В нем не было почти ничего. Место рождения – Санта-Моника, штат Калифорния; там же родилась Ярдли. Ривер бросила среднюю школу в Дэвис-Порте, а затем получила аттестат экстерном, прежде чем поступить в колледж.

Близкие родственники в досье не указаны. Закари был на год старше ее и не имел неладов с законом. Ривер один раз обвинялась в сопротивлении при задержании. Джессика запросила материалы дела. Полицейские попытались задержать Ривер за то, что та курила «травку» на концерте под открытым небом, однако, когда они стали надевать на нее наручники, она показала им голую задницу и убежала. Прочитав это, Ярдли улыбнулась.

Войдя в «Инстаграм», она нашла страничку Ривер. Фотографии: лазает по скалам, плавает в океане, катается по горам на велосипеде, занимается йогой и надевает что-то на шею, принимая это от, судя по виду, буддийского гуру. Ее девиз на главной странице гласил: «Будь сам той переменной, которую хочешь увидеть в мире».

Ярдли уставилась на фотографию на главной странице. Ривер в йога-позе на краю скалы, позади сияющее солнце.

«Что он увидел, глядя на тебя?»

Глава 9

Ярдли настояла на том, чтобы ужинать вместе по крайней мере несколько раз в неделю. Сегодня вечером Тэра пришла домой вместе со Стейси, подругой, живущей по соседству, с которой они общались на протяжении последнего года. Тэра всегда сходилась со сверстниками нелегко – и не только вследствие того, что была дочерью кровавого серийного убийцы, но и из-за своего потрясающего интеллекта. Ей несколько раз приходилось менять школу после того, как одноклассники узнавали про ее отца, и было время, когда она связалась с дурной компанией.

Смеясь над чем-то, девушки достали из холодильника по банке газировки.

– Пахнет хорошо, – сказала Стейси.

– Все уже почти готово. Садитесь за стол.

Наложив три тарелки, Ярдли под села к девушкам.

– Как прошел день? – спросила она.

– Эта практика меня убивает, – отправив в рот добрую вилку спагетти, сказала Тэра. – Тут главное – отработать свои часы. Все занимает просто жутко много времени.

– Ты всегда можешь уйти.

– После того как я окончу университет, меня обязательно возьмут, – Тэра покачала головой. – Я хочу получить это место.

– Классно, правда? – заметила Стейси. – Ей будет всего двадцать, когда она окончит университет и начнет зарабатывать кучу денег!

– Я очень горжусь ею, – сказала Джессика, с любовью глядя на свою дочь. Тэра залилась краской.

Пужинав, девушки убежали к Стейси домой, и Ярдли осталась одна. Ей показалось, что стены давят на нее, и, хотя сегодня она уже занималась, переоделась в шорты и футболку и отправилась в тренажерный зал. На беговой дорожке неслась так быстро, что были готовы отказать ноги, и пришлось посидеть в кафе, чтобы восстановить силы, прежде чем возвращаться к машине.

По дороге обратно домой Ярдли крутила головой из стороны в сторону, разминая шею. Еще вроде бы молодая, она уже чувствовала в суставах тяжесть возраста и не восстанавливалась после тренировок или болезней так же быстро, как прежде. Боль в спине снова напомнила ей о предложении Энджелы Ривер позаниматься в ее студии йоги.

Ярдли колебалась несколько минут, затем нашла адрес.

Студия йоги находилась в небольшом помещении на окраине Лас-Вегаса. Ярдли увидела за стеклом человек десять на матах, в различных позах. Ривер ходила по залу, время от времени помогая одному из учеников с растяжкой или обмениваясь парой слов. Джессика окинула взглядом стоянку, ожидая увидеть дежурящего полицейского в машине без маркировки, но никого не было. К Ривер по крайней мере на

несколько дней должны были приставить охрану: если Палач думает, что она сможет его опознать, он вернется, чтобы довести до конца начатое.

Дождавшись окончания занятий, Ярдли вошла в зал. Ривер разговаривала с ученицей. Увидев Джессику, она помахала рукой. Закончив разговор, подошла.

– Я так рада, что вы пришли... Но на занятие опоздали.

– Просто хотела проведать. Как вы?

Ривер пожала плечами.

– Ходить, дышать и двигаться больно, и вижу я только одним глазом, но в остальном все замечательно. – Умолкнув, она опустила взгляд. – Закари – это мой приятель – он... э... сказал, что ночью я плакала во сне. – Смущенно улыбнулась. – Но могло ведь быть гораздо хуже, правда?

Ярдли украдкой бросила взгляд на разрез у Ривер на лбу. Теперь молодая женщина выглядела не такой уверенной в себе, как при первой встрече, не такой полной сил. Похоже, начинала давать о себе знать психологическая травма.

– Энджела...

– Энджи. Для друзей я Энджи.

– Энджи, я знаю одного замечательного психолога. Я направляю к ней многих жертв преступлений, с кем мне приходится сталкиваться по работе, и она помогает абсолютно всем.

– Я не хочу думать о себе в таком ключе. Как о жертве. К тому же у меня есть йога и медитации. Вряд ли копание

в мозгах поможет мне больше, чем смогу сделать я сама. – Вздохнув, Ривер подняла с пола мат, оставленный одним из учеников. – Итак, что вы будете пить? Могу предложить комбучу⁷. Очень крепкая штука, бьет по мозгам.

– Всё в порядке, спасибо. Мне пора возвращаться к дочери. На самом деле я лишь хотела вас проведать. – Ярдли взглянула на большую фотографию гуру в традиционном облачении, азиата с теплой улыбкой на лице. – Разве из департамента шерифа вам не приставили охрану? Какое-то время за вами должен присматривать полицейский.

– Нет, никто ничего не говорил.

Джессика кивнула.

– Позвоню и попрошу, чтобы кого-нибудь прислали.

Ривер широко раскрыла глаза, и Ярдли поняла, что сказала что-то не то.

– Полагаете... он может появиться снова?

– Просто мера предосторожности. В подобной ситуации все, кто перенес нападение, пока преступник не задержан, получают на какое-то время охрану.

Ривер скрестила руки на груди.

– Ммм... у Закари сегодня ночная смена. И мне, если честно... мне не очень хочется сейчас оставаться одной. Может, посидим где-нибудь? Пожалуйста!

Это «пожалуйста» прозвучало так чистосердечно, что

---

⁷ Этим словом японского происхождения во многих странах называют напиток, известный в России как чайный гриб.

Ярдли не могла отказать.

* * *

Винный бар «Черная дверь» находился недалеко от студии йоги. Ривер обняла хозяйку и что-то шепнула ей на ухо. Их усадили за столик у окна.

– Моя бывшая ученица, – объяснила Ривер, когда они с Ярдли уселись. – Муж погиб в автомобильной аварии с участием пьяного водителя, так что ей тоже здорово досталось. – Она обмакнула кусок хлеба в мисочку с оливковым маслом.

Хозяйка принесла два бокала красного вина и сыр с виноградом. Вино, дорогое и изысканное, оказалось мягким, с дубовым послевкусием.

– Значит, вы замужем? – спросила Ривер.

– Нет.

– Разведены?

– Вот уже семнадцать лет, – Ярдли кивнула.

– Срок большой... Есть какие-нибудь планы выйти замуж еще раз?

– Нет, – Джессика покачала головой.

– А я никогда не была замужем. На самом деле с Закари у меня вторая серьезная связь. Вторым мужчиной, к которому я переехала. Если честно, порой не нужно ничего, кроме работы. – Помолчав, она отпила глоток вина. – Я уверена, что он меня обманывает. Мне надо бы просто уйти от него, но я

не хочу оставаться одна. Я слабая?

– Не думаю, что это слабость.

У Ривер навернулись слезы, глаза ее заблестели, и она отвела взгляд.

– Извините, я вываливаю все незнакомому человеку...

– Всё в порядке, Энджи. Если б я не хотела это услышать, меня здесь не было бы.

Ривер покачала головой.

– Держаться за кого-то только потому, что тебе страшно оставаться одной... не знаю, что это еще такое, как не слабость. Я чувствую себя так глупо! – Она больше не могла сдерживать слезы. – Мне так стыдно! Вам лучше уйти. Не стоит тратить время на такую дуру, как я.

– Энджи, я...

– Нет, пожалуйста, уходите! Моя жизнь – полная катастрофа.

Ярдли колебалась мгновение.

– Я была замужем за серийным убийцей.

Какое-то время Ривер молча смотрела на нее со слезами на щеках, затем рассмеялась. Ярдли ничего не сказала. Она не собиралась произносить эти слова, но они вырвались как-то сами собой. Это вызвало странные ощущения – произнести их вслух. Джессика не говорила об этом никогда и ни с кем.

Перестав смеяться, Ривер посмотрела на нее. Улыбка у нее на лице медленно погасла.

– Вы серьезно?

Кивнув, Ярдли отпила еще один глоток вина.

– Если вы хотите посоревноваться, чья жизнь более катастрофа, полагаю, приз достанется мне.

– Кто он?

– Эдди Кэл. В настоящий момент сидит в камере смертников.

– Ого! Сдаюсь, вы уложили меня на обе лопатки.

– О, если вы так думаете, тогда я должна вам сказать, кого выпустила в свою жизнь после Эдди. Пожалуй, я возьму два первых места в состязании тех, «чья жизнь полная катастрофа». – Ярдли посмотрела на отражение света от бокала с вином. – Я никогда не умела выбирать мужчин.

– Добро пожаловать в клуб таких же дур. До Закари я встречалась с одним из «Ангелов ада»⁸.

– И как?

– Сначала было очень здорово, – Ривер пожала плечами. – Наверное, прокурору лучше такое не рассказывать, но однажды он взял меня с собой на крупную сделку по покупке наркотиков у одной мексиканской банды. Что-то вроде картеля. Это было как в кино. Десять человек с пистолетами стоят посреди пустыни и проверяют чемоданы.

– Правда?

---

⁸ «Ангелы ада» – известнейший и, по некоторым оценкам, крупнейший байкер-клуб мира, часть членов которого в той или иной степени связана с организованной преступностью.

Ривер кивнула.

– Должна признаться, я никогда в жизни не испытывала такой страх и одновременно возбуждение. – Оглянувшись по сторонам, она шепотом добавила: – После того как все разъехались, мы с ним занялись сексом прямо на его байке.

Она прыснула, и Ярдли улыбнулась.

– На байке?

– Ну да. Я свалилась и решила, что все испортила, но он запрыгнул прямо на меня. По этой части он был самый настоящий зверь.

– Что с ним случилось?

– Отправился за решетку, разумеется... – Ривер вздохнула. – Чем еще это могло закончиться? – Она приветственно подняла бокал. – За связь с дерьмовыми мужчинами! За наслаждение мгновением!

Ярдли усмехнулась, и они чокнулись. Ривер показала знаком хозяйке принести еще вина.

Глава 10

– В отдел розыска пропавших без вести департамента шерифа позвонил муж Кейти Фарр. Ты в это не поверишь...

Болдуин говорил быстро, и Ярдли схватила со стола ручку и блокнот. В трубке был слышен шум улицы.

– Он уже целый день не видел свою четырнадцатилетнюю дочь. Хармони Фарр. Она не отвечает на звонки. Девочка никогда не убегала из дома, и для нее это явно ненормально.

Сердце у Ярдли заколотилось чаще.

– Еду с тобой.

– Не думаю, Джесс, что это хорошая мысль. Только не прямо сейчас. Что, если этот тип убил сначала свою жену, а затем и дочь? Если он решит, что я ему не поверил, все пойдет наперекосяк.

– Это маловероятно, раз есть вторая жертва, и...

– Не уговаривай. Я свое решение принял.

Ярдли вздохнула.

– А что, если девочка потрясена смертью матери и сбежала, давая выход своим чувствам?

– Возможно. Но лучше перестраховаться, чтобы потом не раскаиваться.

– В любом случае позвони, когда соберешься встречаться с ним.

Положив трубку, Ярдли открыла досье на Фарр, собира-

ясь проверить, не убегала ли ее дочь в прошлом из дома, но тут у нее завибрировал сотовый. Это была Ривер – Ярдли дала свой номер на тот случай, если ей что-либо понадобится. Она поступала так с жертвами всех преступлений, которыми занималась.

– Джессика.

– Привет, это Энджи. Извини, что звоню на сотовый... Не отрываю, а?

– Нисколько. Что там у тебя?

– Я сейчас кое-что вспомнила... про тот день. Мне это приснилось ночью, но, проснувшись, я поняла, что это был не сон.

– Сейчас попрошу агента Болдуина...

– Нет. Я хочу сказать... Пойми меня правильно, он очень вежливый, не говоря о том, что он горячий, но мне с ним неуютно... То есть мне гораздо уютнее с женщиной. Мужчины обращаются со мной как с сумасшедшей. Считают меня чересчур эмоциональной. Что для них лишь отговорка, чтобы не обращать внимания на мои слова.

– Понимаю. – Ярдли обвела взглядом свой кабинет. Она перебирала дела, собираясь отправить часть в архив, а остальные передать Джексу. Посадить посетителя было негде, а ей хотелось поговорить с Ривер лично. – Мы можем встретиться на Стрип?

В середине дня Стрип не был заполнен туристами, но от улиц исходил испепеляющий зной, отчего Ярдли казалось, что ее запекают в духовке.

– Выглядишь отлично, – сказала Ривер, когда они остановились у пешеходного перехода, дожидаясь зеленого сигнала. – Жаль, у меня не бывает повода надеть костюм.

– Поверь мне, я предпочла бы легинсы и топ, как ты.

– Да, но, наверное, к человеку относятся гораздо серьезнее, когда он так одет. Мне постоянно приходится выслушивать всякие непристойности из-за своего вида.

– И мне тоже, – усмехнувшись, сказала Ярдли. – По-моему, мужикам нет особого дела до того, как мы одеты.

Они пересекли улицу, и мужчина, стоявший перед казино, попытался уговорить их заглянуть внутрь ради халявной выпивки. Женщины вежливо отклонили его предложение, но он еще какое-то время шел следом за ними, прежде чем переключиться на другую жертву.

– Я люблю солнце и тепло, – сказала Ривер. – Когда мне было пять лет, родители перебрались в Аляску. Там зима длится десять месяцев, так что для меня везде, где солнце и песок, рай.

– Когда ты приехала сюда?

– В семнадцать. Я убежала из дома, не оглядываясь назад.

Проехала автостопом через всю Канаду и очутилась в Сан-Франциско, в крохотной квартире вместе с поэтом. Я работала официанткой в двух местах, чтобы нас содержать, а он сидел дома и писал стихи – должна сказать, *очень* дерьмовые.

Она хихикнула, и Ярдли улыбнулась.

– Я посмотрела на твоего бывшего, – сказала Ривер. – Он был художником, правильно?

Ярдли с трудом сглотнула, потому что во рту у нее внезапно пересохло. Она уставилась себе под ноги.

– Извини! – спохватилась Ривер. – Мне надо вырвать язык.

– Нет, ты ни в чем не виновата. Просто я не привыкла говорить о нем. Он был художником, но, в отличие от твоего поэта, весьма успешным. – Ярдли проводила взглядом молодую парочку, которая прошла мимо, держась за руки, источая запах спиртного. – Когда мы познакомились, я была фотографом, и он всегда поддерживал меня. Уговаривал оставить все прочие занятия, потому что искусству нужно отдаться полностью, если хочешь чего-нибудь добиться. Нужно принести себя ему в жертву, чтобы создать что-то неповторимое.

– Ого! Глубокая мысль.

Ярдли кивнула. Они остановились на перекрестке рядом с «Дворцом цезарей»⁹, наслаждаясь прохладой, веющей от

---

⁹ Один из самых знаменитых развлекательных комплексов, а также один из крупнейших отелей мира.

фонтана.

– У него было потрясающее понимание жизни, я такого больше никогда не встречала. Он разбирался в людях и в их мотивациях так, что ему позавидовали бы лучшие психологи, с кем мне доводилось работать. Вот что делает его таким страшным. Он знает, кто мы такие. Благодаря этому сам мог стать кем угодно, но пожелал стать тем, кто есть. Никакого ужасного детства, никаких издевательств, никаких психических расстройств. Он сознательно выбрал стать чудовищем.

– Ты правда веришь в это? Что он сам сделал свой выбор? Не думаешь, что мы уже рождаемся такими, какими станем? Я хочу сказать, быть может, вселенная делает нас такими, какими хочет?

– Эдди убивал, потому что это доставляло ему наслаждение, – Ярдли покачала головой, – а не потому, что его рукой двигала вселенная. – Взглянув на статую Августа, она сказала: – Если ты ничего не имеешь против, я бы предпочла поговорить о чем-нибудь другом.

– Милая, я вовсе не собиралась тебя пытаться. Честное слово. Извини.

– Всё в порядке. Просто... бывают дни, когда говорить об этом особенно тяжело.

Остановившись, Джессика тихо застонала, растирая виски.

– Не возражаешь, если мы где-нибудь сядем? На меня иногда накатываются приступы головной боли.

Усевшись на скамейке перед закуской, они какое-то время молчали.

– Ну, давай переменим тему, – наконец сказала Ривер. – Ты говорила, у тебя есть дети?

– Дочь. Ей семнадцать.

– Что она из себя представляет?

– Учится в университете Лас-Вегаса. Таких называют савантами¹⁰. Моя – хорошо адаптированный в обществе савант. – Ярдли улыбнулась. – По-моему, она считает своей задачей заботиться обо мне.

Ривер помолчала, уставившись на асфальт.

– Не думаю, что у меня когда-либо будут дети... – Она проводила взглядом молодых парней, которые проезжали мимо в «Кадиллаке», окликая прохожих. – Хочешь узнать, что мне приснилось?

– Если ты готова говорить.

Ривер кивнула.

– Это было ужасно. Когда я проснулась, ночная рубашка прилипла к телу. Промокла от пота насквозь. Такого со мной никогда раньше не было.

– Что тебе приснилось?

– Когда я выходила из торгового центра на стоянку, было... ну, около десяти вечера, как-то так. Так что уже полно-

---

¹⁰ В обиходном смысле саванты – лица, обладающие выдающимися способностями в чем-либо, но имеющие ту или иную степень отклонений в социальном поведении.

стью стемнело, но я оставила машину у фонаря. Подошла к ней, открыла дверь брелоком – и тут почувствовала жуткую боль в затылке, и все вокруг безудержно закрутилось. После чего я очнулась на столе с забинтованным лицом. Но я сосредоточилась на последней секунде перед болью и во сне увидела все четко.

– Что ты увидела?

– Перед тем как сесть в машину, я посмотрела на окно и увидела в стекле отражение.

Ярдыли внутренне напряглась, однако внешне попыталась сохранить бесстрастное спокойствие.

– Ты увидела лицо?

– Нет, – Ривер покачала головой. – Все произошло слишком быстро. Лишь мелькнувший образ. Проснувшись, я решила, что это был кошмарный сон, что мне это приснилось, но это было слишком реально. Уверена, это был он.

– Что на нем было надето?

– Не знаю. Кажется, что-то черное, но я видела только выше пояса.

– Разглядела цвет волос? Расу?

– Нет. Увидела движение руки, и на этом все оборвалось. Я не запомнила ничего такого, что поможет его описать... – Она задумалась. – На стоянке были люди. Но он подошел прямо ко мне, даже не глядя на них. Он выбрал именно меня... – У нее задрожали руки. – Твою мать! – пробормотала Ривер, сплетая их на груди.

– Все в порядке, Энджи.

Та покачала головой.

– Я учу своих подопечных миру и гармонии, учу использовать энергию вселенной, чтобы исцелять себя, но саму, когда говорю об этом, трясет.

– Ты ни в чем не виновата. Это реакция твоего мозга. Он продолжает обрабатывать травму, и все, что ты делаешь, совершенно нормально.

– Вот только выглядит это совсем ненормально... – Ривер шумно вздохнула. – Что, если он уже давно следил за мной? Это означает, что он знает, кто я, скорее всего, знает, где я живу и работаю... Он ведь придет снова, правда?

Ярдли ответила не сразу.

– Не знаю. Но я переговорила с департаментом шерифа, и сегодня же к тебе приставят охрану. Людей там не хватает, поэтому до настоящего момента никого не могли выделить. Теперь же рядом с тобой двадцать четыре часа в сутки будет находиться полицейский.

– Но ты что думаешь? Он предпримет еще одну попытку?

Ярдли облизала пересохшие губы.

– Во многих подобных случаях, которыми я занималась... нет, преступник не возвращался. Слишком большой риск. Но есть один тип преступников... Наверное, их можно назвать полностью оторванными от действительности. Порой они сами не понимают что делают, не отдают отчета в своих поступках. Вот преступники этого типа иногда возвращают-

ся к своим... — Ярдли готова уже была сказать «жертвам», но в самый последний момент остановилась. — К выжившим после нападения.

— Этот человек относится к такому типу?

— Не знаю. Он кажется мне попеременно то методичным и собранным, то совершенно потерявшим контроль над собой. Я просто не знаю, Энджи.

Ривер кивнула.

— Что вы будете делать, если найдете его?

— Я участвую в расследовании лишь косвенно. Моя главная задача заключается в том, чтобы проследить, чтобы все прошло гладко и дело можно было довести до суда. Пожалуй, можно сказать, что на самом деле моя работа начинается только с момента задержания подозреваемого.

— Вот уже нет, твоя работа начинается не с задержания, — Ривер улыбнулась. — На самом деле она началась с той секунды, когда ты стала беспокоиться обо мне. — Она уставилась на проезжающие мимо машины. — Что мне делать, если он вернется за мной? Как защититься от такого человека?

Джессика могла бы предложить завести пистолет и собаку, установить сигнализацию, могла бы сказать, что какое-то время за ней будут присматривать и все будет хорошо, только это было бы неправдой. А правда заключалась в том, что если преступник действительно хочет навредить жертве и его не волнуют последствия, помешать ему практически невозможно.

– Никак, – сказала Ярдли. – Остановить этого человека можно, только если его схватить – или убить.

Глава 11

Болдуин остановил машину у жилого фургона Фарров. Все дома на стоянке стояли вплотную друг к другу, чтобы их влезло как можно больше.

Агент вышел из машины. Перед входной дверью в два ряда выстроились растения в горшках, под одним в земле торчали окурки. Болдуин постучал и, подождав немного, постучал снова.

Дверь открыл мужчина в безрукавке с обветренным морщинистым лицом. Предплечья и бицепсы были покрыты тюремными татуировками.

– Вы уже вернулись?

– Просто хочу задать вам еще несколько вопросов, мистер Фарр. У вас есть время?

– Вы насчет Хармони?

– Да.

– Вы ее нашли?

– Нет, не нашли. Я только что говорил со следователем Рис из полиции Лас-Вегаса и зачитал ей заявление о пропавшем человеке, поданное вами. Мне хотелось бы, чтобы вы уделите мне немного времени и кое-что уточнили.

– Что именно?

– Ну, первым делом нам нужно удостовериться в том, что ваша дочь действительно пропала. Что речь не идет о чем-

то другом.

– О чем-то другом? Вам ведь известно, что моя жена была только что убита, так?

– Да, и, как вы знаете, я работаю в тесном контакте с детективом Гарретом, возглавляющим расследование убийства вашей жены. Я просто хотел выяснить, возможно ли, что Хармони у кого-нибудь из своих подруг или родственников?

– Нет, об этом не может быть и речи. Она всегда отвечает на мои сообщения. Всегда. Особенно если я пишу, что дело срочное, и прошу ответить сразу же.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Два дня назад. Она сказала, что отправляется в «Оскар» купить кое-что из одежды, и не вернулась. Я два дня названивал ей. Потом позвонил Гаррету и сказал, что Хармони просто не могла куда-то сбежать. Но он решил, что, раз мы живем в таком месте, она сбежала вместе с какими-то плохими ребятами и наширялась до одури, а я сказал, что Хармони четырнадцать лет и она никогда даже не смотрела на наркотики. А если учесть то, откуда мы, это невозможно. Она даже «травку» ни разу не курила.

Болдуин задумался. Почему Гаррет не сказал ему ни слова про то, что дочь Кейти Фарр пропала? Он вспомнил, когда в последний раз разговаривал со следователем, и прикинул, что тот к тому моменту уже должен был поговорить с Такером Фарром. Почему он ничего не сказал?

– Вы сказали, что ваша дочь собиралась зайти в «Оскар».

Что это такое?

– Это магазин на Рузвельт-стрит. Секонд-хенд.

Болдуин кивнул.

– Вы ничего не имеете против, если мы продолжим разговор в доме?

Такер открыл дверь, пропуская его.

– Прошу прощения за беспорядок.

На полу валялись раскиданные вещи и упаковка от еды. На столике сгрудились несколько пепельниц, заполненных окурками, и в воздухе стоял сильный запах табачного дыма. Такер убрал с дивана какие-то бумаги – судя по всему, неоплаченные счета.

– Остались только мы с Хармони. – Помолчав, он посмотрел на свои руки и потер пальцы. – После смерти Кейти некому присматривать за домом.

– Сочувствую вашей утрате, – сказал Болдуин. Он обвел взглядом жилье. Порывшись в карманах, Такер нашел зажигалку. – Значит, вы освободились из тюрьмы четыре месяца назад, правильно?

Такер зажег сигарету.

– Да, оттрубил двенадцать лет в Лоу-Дезерт-Плейнс. Смотрел через стекло на то, как растет моя дочь. Знаете, что это такое? Это полное дерьмо. Чувствуешь себя совершенно никчемным. Исправительное учреждение, твою мать! Все, кого я там знал, входили хорошими чуваками, а выходили преступниками, и это правда.

– Вы получили свой срок за то, что похитили четырнадцатилетнюю девочку, угрожая ей ножом, не так ли? – мягко спросил Болдуин.

Выпустив носом дым, Такер сверкнул на него глазами.

– Все это полный бред. Мы с ней гуляли. Я тогда был молодым, и в тот день она сама села ко мне в машину, черт побери. Никто ничего не говорил ни про какое похищение до тех пор, пока ее родители не провели про то, что она встречается со взрослым мужчиной. А судья... – Он презрительно фыркнул. – А судья не желал ничего слушать. Он запер меня и выбросил ключ, да еще с таким видом, будто облагодетельствовал. Наша система правосудия не имеет никакого отношения к правосудию, это я вам точно говорю.

Болдуин бросил взгляд на фотографию на столике. Кейти и Хармони, широко улыбающиеся. Единственная фотография в комнате.

– Когда она была сделана? – сказал он, беря ее.

– Ну, несколько лет назад. Хармони была такой очаровательной... Все говорили ее матери, что девочку нужно отдать в фотомодели, но я сказал – ни за что, черт возьми. Эти модели трахаются направо и налево.

Болдуин поставил фотографию на место.

– Ваша дочь точно никогда не пыталась убежать из дома? Такер покачал головой.

– Кейти мне ничего такого не говорила. В школе у нее были только отличные оценки. Она не из тех, кто убегает

из дома. У нее есть голова на плечах. Не знаю, от кого это, потому что точно не от меня или ее мамы, блин. Та тоже посидела взаперти несколько лет, за метамфетамин.

– С кем оставалась Хармони?

– С бабушкой. – Такер покачал головой. – Черт, наверное, было бы лучше, если б она там и осталась, вместо того чтобы возвращаться домой.

– У вас в тюрьме были враги? Быть может, кто-то недавно освободился и захотел свести счеты...

– Нет, никто на ум не приходит. Мне за решеткой было не так уж и плохо – меня ведь держали отдельно, поскольку я сидел за несовершеннолетнюю. Те, кто сидит за несовершеннолетних, в общих камерах долго не живут.

– Наслышан.

Сделав глубокую затяжку, Такер медленно выпустил дым.

– И что вы намереваетесь делать, чтобы узнать, кто этот подонок?

– Не могу говорить о расследовании, которое еще не закончилось, мистер Фарр. Извините.

– Да, понимаю... Больше у вас ко мне ничего нет? А то мне скоро на работу.

Болдуин снова огляделся вокруг.

– Мне нужна свежая фотография Хармони. И вы не возражаете, если я загляну к ней в комнату?

– Нет, она вон там. А я поищу фотку.

Основное место занимала маленькая кровать с голубым

покрывалом, из-под которого выглядывали белые простыни. На постельном белье – разноцветные лошадки. Детское белье. На зеркале над туалетным столиком висели фотографии Хармони вместе с подругами и мальчишками. Лицо одного мальчишки, рыжеволосого подростка, было обведено красным сердечком.

В комнате царили чистота и порядок, в отличие от остального дома. На маленьком убогом письменном столе лежали учебники, в том числе по углубленным курсам, рядом стоял складной стул. Болдуин ощутил укол сострадания. Хармони – умная и целеустремленная, но в этой жизни против нее работает все, просто потому что она родилась в нищете.

Вернувшийся Такер протянул школьную фотографию Хармони.

– Она иногда остается на ночь у своих подруг. Вы бы их проверили... Гаррет говорил, что проверит.

– У каких подруг? – спросил Болдуин.

– Ее лучшая подруга Ума. Живет недалеко.

– Мне нужны фамилия и адрес Умы, если знаете.

– Адрес не знаю, но могу проводить вас туда. Это совсем рядом.

– Буду вам признателен.

Глава 12

Болдуин вел машину, Такер устроился рядом.

– Мне нравятся старые «Мустанги», как этот. Постоянно приходилось иметь с ними дело в мастерской.

– У вас была своя мастерская?

– Мастерская принадлежала деду, – Такер покачал головой. – Маленькая, клиентов немного... Мне на жизнь хватало, но с женой и ребенком уже оказалось недостаточно. – Он уставился в окно. – Впрочем, с ними, похоже, никогда не хватает.

– Значит, Хармони было два года, когда вы отправились за решетку?

– Я не был уверен, что она моя дочь. Сказать по правде, до сих пор в этом не уверен. Ее мамаша тогда путалась с соседом... Но я обращаюсь с Хармони как со своим родным ребенком, несмотря ни на что.

– Наверное, Кейти пришлось несладко. Мать-одиночка, муж в тюрьме...

– Не знаю, – Такер пожал плечами. – Пожалуй. Отец помогал ей чем мог.

Они остановились на светофоре.

– Значит, вы выросли во Фрут-Хейтс, правильно?

– Да, – Такер снова кивнул. – Бывали там? Дерьмовый городишко.

– Нет, не довелось. Вы поэтому оттуда уехали? Не было работы?

– Что-то вроде того. Вон тот дом, – указал он.

Перед домом из красного кирпича раскинулась мертвая желтая лужайка. Болдуин первый поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открыл мужчина в клетчатой рубашке.

– Привет, Чак, – сказал Такер. – Хармони у вас?

– Нет, и не было. – Мужчина удивленно уставился на него. – А это кто?

– Я Кейсон Болдуин, – представился Болдуин. – Из ФБР. Когда вы в последний раз видели Хармони?

Мужчина положил руку на дверной косяк.

– Черт!.. Думаю, несколько дней назад. А что случилось?

– Ваша дочь дома? – спросил Болдуин. – Я могу с ней поговорить?

– Да. Подождите, я ее позову.

Когда он ушел, Такер казал:

– Чак – мужик хороший. Шесть лет воевал в Ираке. Вернулся сам не свой, но ничего, справляется.

– Он живет вдвоем с дочерью?

Такер кивнул.

– Была жена. Сбежала несколько лет назад. – Он достал пачку сигарет. – Не возражаете?

– Нет.

К двери подошла девушка в розовой рубашке. Она не выказывала удивления или страха, как это бывает со взрослыми.

ми, домой к которым приходит Болдуин. «Молодость, – подумал он, – всегда ждет лучшего, а не худшего».

– Привет, Ума. Меня зовут Кейсон. Я из ФБР. Ты знаешь, что такое ФБР?

– Вроде полицейского? – Девушка оглянулась на отца.

– Совершенно верно. Вроде полицейского. Я помогаю найти твою подругу Хармони. Не возражаешь, если мы немного поговорим?

– Давайте.

– Я хотел узнать, когда ты видела ее в последний раз.

– Ну, в среду, наверное...

– Где?

– Мы иногда ходим в «Оскар». Пошли туда, кажется, за новыми шортами.

Болдуин кивнул.

– Значит, в среду вы ходили туда вместе?

– Да, а потом вернулись домой.

– И с тех пор от нее никаких вестей?

Девушка покачала головой.

– Позавчера я отправила ей сообщение, но она мне не ответила.

– Ты проводила Хармони до самого дома?

Она снова покачала головой.

– Мой дом по пути. Мы попрощались здесь.

Болдуин оглянулся на ее отца.

– Ума, Хармони не говорила про какого-нибудь мужчину,

который пытался с ней заговорить? Быть может, они встречались? Она могла отзываться о нем хорошо. Он мог дарить ей разные вещи, куда-то ее возить.

– Нет, – Ума пожала плечами. – Ничего такого.

– Может быть, она говорила тебе, что боится кого-то? Например, учителя или соседа? Или родственника?

Внезапно Болдуин осознал свою ошибку: нужно было разговаривать с девушкой так, чтобы не слышали ее отец и Такер.

– Нет, никогда.

– Если б Хармони решила сбежать из дома, ты можешь предположить, куда она могла бы отправиться? Где ее нужно искать?

Ума задумалась.

– У нас есть шалаш, мы иногда туда ходим.

– Где этот шалаш?

– В поле за ее домом. Это не мы его построили, он уже был, но иногда мы ходим туда играть.

Болдуин оглянулся на Такера, и тот кивнул, подтверждая слова Умы.

– Хорошо, – сказал агент, снова поворачиваясь к ней. – Если у тебя будут какие-либо новости от Хармони, позвони мне. – Он протянул свою визитную карточку. – В любое время дня или ночи. Договорились?

– Договорились.

Когда Болдуин уже собрался уходить, девушка окликнула

его:

– Постойте! Она... Я хочу сказать, вы полагаете, что тот, кто сделал это с ее мамой... он...

Болдуин оглянулся на Такера, который курил, наблюдая за ними.

– Я пока что не знаю, Ума.

– Эх, – пробормотала она, нервно теребя визитную карточку и уставившись себе под ноги. – Ну, я уверена, что вы ее найдете. Ничего страшного не случилось. Правда?

Помолчав немного, Болдуин сказал:

– Надеюсь.

Глава 13

После встречи с Ривер Ярдли вернулась домой. Тэра делала уроки за столом на кухне, в наушниках. Чмокнув дочь в макушку, Джессика подошла к холодильнику. Она слишком устала, чтобы готовить ужин, поэтому придется довольствоваться недоеденными остатками.

Доставая еду, она получила сообщение. Это была фотография браслета.

Смотри, что я нашла в интернете, – написала Ривер.

Мне нравится, – ответила Ярдли.

И мне тоже. Братъ?

Бери. Цвет будет идеально сочетаться с твоей кожей.

Последовала долгая пауза. В ожидании ответа Ярдли положила еду в микроволновку.

Понимаю, что это безумие, ты ведь занимаешься мной по работе, и если тут что-то не так, скажи, но что ты делаешь сегодня вечером?

А что? – ответила Ярдли.

Закари уехал из города и вернется только завтра вечером. И я сегодня не хотела бы оставаться одна. Не хочешь заглянуть ко мне, выпить вина и посмотреть какую-нибудь фигню по телику?

Пальцы Ярдли застыли над экраном телефона. Она отвыкла иметь друзей, да и что ей известно о Ривер? Здравый смысл подсказывал оставаться профессионалом и держать дистанцию, но что-то еще говорило, что ей хочется кому-нибудь выговориться. Возможно, это даже необходимо.

А почему бы тебе не приехать сюда? – набрала она.

* * *

К тому времени как они поужинали, уже стемнело. За столом Тэра решала уравнения и почти не говорила.

– Как прошел день? – спросила Ярдли.

– Хорошо.

И так весь вечер: короткие односложные ответы. И Джессика понимала, в чем дело: когда перед Тэрой цель, как, например, решение этих уравнений, все остальное откладывается в сторону. Сама Ярдли в этом возрасте была такой же. Но она помимо воли вспоминала маленькую девочку, которую водила в кино и качала на качелях в парке. Малень-

кую девочку, которая весь день не отходила от своей матери, словно приклеенная. Они были вдвоем против всего мира, и Ярдли вспоминала это время как самый трудный и в то же время самый счастливый период жизни.

– Ко мне в гости придет знакомая, – сказала она.

Тэра оторвалась от тетрадей.

– Кто?

– Ее зовут Энджи. Ты ее не знаешь.

– Где вы познакомились? – Тэра улыбнулась.

– На работе.

– Если хочешь, я могу пойти заниматься в кафе.

Встав из-за стола, Ярдли собрала посуду.

– Нет, не надо. Просто хотела тебя предупредить, чтобы ты не удивлялась.

– Да, я удивлена... По-моему, не видела ни одной твоей подруги. Кроме той дамы, с которой мы обедали несколько раз. Иды. Она мне нравилась. Что с ней стало?

– Вышла замуж и завела детей. Когда люди находятся на разных жизненных стадиях, им трудно поддерживать отношения.

– Значит, эта Энджи тоже прокурор?

– Нет.

– Адвокат?

Сложив посуду в раковину, Ярдли начала ее мыть.

– Нет, она... жертва в деле, которое я веду.

– Ты серьезно?

– Всё в порядке. Нет никаких правил, запрещающих дружить с тем, кому помогаешь.

– Просто это как-то странно... Обыкновенно ты подходишь к таким вещам очень осторожно.

Раздался стук в дверь. Тэра пошла открывать.

– Привет. Ты, должно быть, Тэра.

– Ага. А вы Энджи? Заходите.

– Я так рада наконец познакомиться с тобой... Твоя мама постоянно о тебе рассказывает.

– Хорошее?

– Да, конечно.

Ривер держала в одной руке бутылку вина, а в другой – пачку мороженого.

– Извини, никак не могла сделать выбор между вином и мороженым. Не знаю, что для тебя хуже.

– Определенно мороженое, – Ярдли улыбнулась. – Но мы оприходуем и то, и другое.

– Я присоединюсь к вам, – сказала Тэра. Ярдли вопросительно подняла брови, и она добавила: – Шучу. Если я буду нужна, я у себя в комнате. – Помедлила, всматриваясь в синяки у Ривер на лице и разрез на лбу, затем перевела взгляд на татуировку в виде руны у нее на плече. – Было приятно с вами познакомиться, Энджи.

– Взаимно. – Ривер поставила вино и мороженое на стол в кухне. – Я ее обожаю. Она просто бесподобна!

– Это так, – согласилась Ярдли, доставая из шкафчика два

бокала. – К счастью, она несколько успокоилась по сравнению с тем, что было пару лет назад. Я помогала ей решить кое-какие проблемы, уходящие корнями в детство...

– Как?

– Когнитивная поведенческая терапия, – разлив вино, сказала Ярдли. – Я занималась клинической психологией. Хотя и предположить не могла, что мне придется применять полученные знания в отношении своего ребенка.

– Жизнь выписывает сумасшедшие повороты, правда? – Они чокнулись. – Но, по крайней мере, мы можем получать во время этого сумасшествия удовольствие, так?

* * *

После нескольких бокалов вина, половины мороженого и телешоу про женщину, готовую выйти замуж за того, кто выполнит все ее пожелания – например, прокатится в бочке со змеями или прошерстит канализационную трубу в поисках кольца, – Ярдли и Ривер сидели на балконе, созерцая ночное небо. Допивая вино, они слушали негромкую приятную музыку.

– Мне нравится здесь, на окраине, – сказала Ривер. – Тут стоит такая тишина, какой в городе не бывает. Там всегда шумно, даже в два-три часа ночи. Как ты думаешь, это может делать людей несчастными? Ну, если мы не созданы для того, чтобы постоянно слушать шум?

– Не знаю. В обществе беспрецедентный уровень беспокойства и подавленности. Возможно, это также нужно принимать в расчет.

Ривер всмотрелась ей в лицо.

– Ее больше нет.

– Чего?

– У тебя была складка на лбу, словно ты постоянно сосредоточена. Напряжена. Сейчас ее нет. Без нее твое лицо стало светлее.

Покраснев, Ярдли отвернулась.

– Тебе приходится носить маску, да? – продолжала Ривер. – Мой дядя служил в полиции. Я знаю, что это такое. Полицейские должны постоянно быть твердыми, не выказывать свои чувства. Прокуроры тоже такие?

– Бывают. Многие прокуроры-мужчины считают, что женщины чересчур эмоциональны, чтобы быть хорошими прокурорами. Как будто мужчины способны откладывать свои чувства в сторону, словно роботы.

– Полагаю, миллион лет войн опровергает эту теорию. – Ривер отпила глоток вина. – Можешь не говорить, но мне просто до смерти хочется спросить... каким он был?

Ярдли сразу поняла, кого она имеет в виду.

Сначала ее пугало то, что Ривер может спросить о самом жутком, что было в ее жизни, особенно если учесть, что они так мало знакомы, но затем она рассудила, что, наверное, это нормально. Ярдли не умела налаживать дружеские отноше-

ния, не знала, как это делать, но, возможно, именно в этом и заключается дружба: говорить о чем-то таком, о чем больше ни с кем не говоришь.

– Со мной Эдди был мягким и добрым. По несколько раз в неделю он оставлял мне записки на кухонном столе или на ночном столике в спальне. Не стихи там или что-то эдакое, а просто записки, в которых он давал знать, что думает обо мне.

Ривер покачала головой.

– Не могу даже представить себе, *что* ты почувствовала, когда все узнала. Какой поток дерьма! Честное слово, я поражена тем, что ты не просто держишься на ногах, а еще и помогаешь другим.

Откинув голову на спинку кресла, Ярдли устремила взор на звезды.

– Можно вопрос?

– Спрашивай.

– Когда мы только познакомились, ты сказала, что у меня вдребезги разбито сердце. Что ты имела в виду?

Ривер залпом допила вино, словно это была вода.

– Определенно, мои слова произвели на тебя впечатление, раз ты их запомнила... А ты как думаешь, что я имела в виду?

Ярдли уставилась на свой бокал, на отражающийся от него лунный свет.

– Я думаю, это относится к тем, кто больше никогда не

сможет снова полюбить. Эти люди так сломлены, что не могут собрать воедино свое сердце, чтобы отдать его кому-то другому.

– Ты знаешь, что в санскрите есть слово для обозначения трещин, которые появляются со временем на чашках и тарелках? – улыбнулась Ривер. – Оно переводится как «неповторимая красота». Смысл его в том, что, вместо того чтобы пытаться заделать трещины, нужно ими восхищаться, потому что они делают посуду неповторимой. Может быть, и разбитое сердце – это нечто неповторимое, уникальное для каждого человека, и нужно пережить это, чтобы затем можно было восхищаться исцеленным сердцем...

Ярдли посмотрела на нее.

– Как тебе удастся так держаться? Ты перенесла сильнейшую психологическую травму, но, похоже, неуязвима, и все беды просто отскакивают от тебя.

Печально усмехнувшись, Ривер прикоснулась к швам на лбу. Затем устремила взгляд в пустыню.

– Я не неуязвима. Напротив. Порой мне кажется, что я сделана из стекла. Эта... эта вещь, которая со мной случилась... Я не позволяю себе думать о ней. Когда она всплывает у меня в голове, гоню ее прочь. Пятнадцать лет занималась медитацией и йогой и знаю, как очистить сознание. Ни о чем не думать и сосредоточиться на собственном теле. – Она провела пальцем по краю бокала, не глядя на него. – Мне приходится заниматься этим каждую минуту каждого дня с

тех самых пор, как агент Болдуин меня нашел.

Ярдли долго молчала.

– Извини.

Ривер кивнула.

– Я говорила с Закари и... тут что-то не так. Думаю, словами это выразить невозможно, но мы оба это чувствуем. Я это знаю. Не могу сказать, как будет дальше. Знаю, что по-другому, но насколько? Будет ли он смотреть на меня так же, как прежде? Будет ли злиться на себя за то, что не смог меня защитить?

– Мы порой забываем о том, что близкие жертв психологических травм сами переносят травмы. Возможно, будет лучше для вас обоих, если вы поговорите с психологом.

– Почему ты так настойчиво советуешь мне обратиться к психологу? Думаешь, что у меня разовьется какое-нибудь расстройство личности?

– Психологические травмы воздействуют на всех по-разному.

Шумно вздохнув, Ривер сказала:

– Ну, я скажу тебе вот что: все это определенно превращает наши отношения в туманную дымку.

Ярдли хихикнула. Ривер внимательно посмотрела на нее.

– Тебе следует чаще смеяться. На мой взгляд, ты делаешь это слишком редко.

– Временами кажется, что причин для смеха нет.

– Причины для смеха есть всегда, Джесс. Мы здесь для

того, чтобы радоваться, а не чтобы платить по счетам до тех пор, пока не окажемся на кладбище.

Ярдли ничего не ответила. Эдди Кэл говорил ей практически то же самое, и от этого воспоминания по спине у нее пробежала холодная дрожь.

– Ммм... думаю, если ты собираешься еще немного задержаться, я принесу бутылку шардоне.

– С удовольствием. – Ривер заколебалась. – Я... если честно, я сейчас не хочу оставаться одна.

– И я тоже.

Глава 14

Повернувшись в кровати, Ярдли почувствовала аромат кофе и бекона. У нее мелькнула мысль, что это Тэра готовит завтрак. Встав, она накинула халат.

Ривер стояла у плиты, жаря яичницу с беконом. На столе стояла тарелка с горкой оладий, а рядом с ней – мисочка со взбитыми сливками, похоже, домашнего приготовления.

– Привет, – сказала Ривер, увидев Ярдли. – Встала? Надеюсь, я не вышла за рамки дозволенного, но это всего лишь завтрак.

– Пахнет восхитительно, – сказала Ярдли, усаживаясь на табурет у стола посреди кухни. – Как спалось в гостях?

– Восхитительно. Кровать мягче моей. Мне здесь pleasantly нравится. Ты такая счастливая... – Она посмотрела Ярдли в лицо. – Я нашла в ящике «Пятьдесят оттенков серого»¹¹, плохая девчонка!

– Это по работе, – прыснула Ярдли.

– Я так и поняла.

Джессика отправила в рот кусок яичницы.

– Объедение! Где ты научилась готовить?

– Вынужденная необходимость. Родители рано предоставили мне полную свободу, поэтому, если я хотела есть, при-

---

¹¹ «Пятьдесят оттенков серого» – эротический роман английской писательницы Э. Л. Джеймс, построенный вокруг садомазохистских сексуальных практик.

ходилось готовить самой.

Вошла Тэра, полностью одетая, с волосами, влажными после душа.

– Смотрите, кто это у нас так рано встал, – сказала она, проходя к тарелке с оладьями и беря один салфеткой.

– Не хочешь посидеть с нами за завтраком? – спросила Ривер.

– Не могу. Должна бежать, – сказала Тэра. – Но все равно спасибо за предложение. Мама считает, что завтрак – это кофе с подсластителем. – Перед тем как уйти, она чмокнула Ярдли в щеку. – Сегодня допоздна сижу в лаборатории, так что вечером не жди.

– Мы с ней немного поболтали сегодня утром, – проводив ее взглядом, сказала Ривер. – Я сплю мало, и, по-видимому, она тоже. Надеюсь, ничего страшного в этом нет.

– О чем вы говорили?

– В основном об учебе. Я тоже училась в колледже. Мы с ней даже близко не стояли, она гений, но я горжусь тем, что училась там. Жаль, так и не окончила...

– Что ты изучала?

– Мифологию и фольклор. Разумеется, самая востребованная специальность.

– Почему ты...

Завибрировал лежащий на столе телефон Ярдли. Она взглянула на номер. Это был Болдуин.

– Прошу прощения, – сказала Джессика, прежде чем от-

ветить. — Что-то ты рановато, а?

— Извини, что побеспокоил.

— Всё в порядке. В чем дело?

— Думаю, тебе следует приехать к Хармони домой. Я нашел ее телефон, Джесс, а рядом кровь. Полагаю, преступник сначала прикончил мать, а теперь расправился и с дочерью. Я квалифицировал дело как похищение, и сейчас местная полиция прочесывает лес...

— Я уже выезжаю.

* * *

Перед домом Фарров уже выстроились несколько патрульных машин, и среди них черный «Мустанг» Болдуина. Полицейские в форме из департамента шерифа сновали в дом и обратно, кто-то фотографировал двор и окрестности.

В доме царили беспорядок и грязь. Такер Фарр стоял у стола, засунув руки в карманы. Ярдли узнала его по фотографиям из дела о похищении двенадцатилетней давности.

Болдуин стоял в дверях спальни, давая указания криминалистам.

— Что вы нашли? — спросила Ярдли.

Оглянувшись на нее, он кивнул, предлагая выйти на улицу. Они остановились на крыльце, и Болдуин шумно выдохнул.

— Я нашел ее телефон в шалаше недалеко от дома. Кри-

миналисты обыскали местность вокруг и нашли ожерелье. Я показал его отцу, и тот опознал его как принадлежащее Хармони. Сказал, что она никуда без него не ходила. Застежку не расстегивали – ожерелье порвали. Как будто сорвали с шеи.

– А кровь?

– Обнаружили на ожерелье. Скоро мы узнаем, ее эта кровь или нет, но все выглядит плохо, Джесс. Полагаю, Палач схватил Хармони, и мы найдем ее привязанной к...

– В телефоне есть что-нибудь? – перебила его Ярдли. Она не хотела думать о третьей картине Сарпонга.

– Ничего необычного. По телефону он с ней не связывался.

– Он должен был откуда-то знать про шалаш.

– Палач мог проследить за Хармони, как он проследил за Энджелой Ривер. Увидел возможность и воспользовался ею. Я говорил с Гарретом, и он считает, что Хармони сбежала из дома. Такер совсем не знает свою дочь, а на нее есть досье в службе опеки, из которого следует, что она уже дважды сбежала из дома. Однако теперь, после порванного ожерелья с кровью, это уже кажется маловероятным.

Ярдли окинула взглядом двор.

– Нам следовало собрать информацию на нее, Кейсон.

– О том, что «нам следовало бы», будем рассуждать в старости. Такие вещи непредсказуемы. Мы понятия не имели, как все сложится. – Болдуин проводил тяжелым взглядом криминалистов, собиравших оборудование для изучения об-

разцов крови. – Итак, я готов выслушать любые предложения.

Ярдли оглянулась по сторонам. Недалеко от дома Фарров находилась игровая площадка. Оборудование было убогим, старым и ржавым. В пожелтевшей траве газона зияли проплешины.

Рядом с домом остановился пикап, и из него вышел Кайл Джекс. По-видимому, Болдуин известил и его, поскольку в ближайшее время ему предстоит официально заниматься этим делом. Джекс был в кожаной куртке, щеку оттопыривал леденец. Кивнув стоящим на крыльце полицейским, он присоединился к ним.

– Шалаш за домом?

Болдуин кивнул.

– Я как раз рассказывал Джессике, что недалеко от него мы обнаружили ожерелье со следами крови. Отец девочки говорит, что она с ним никогда не расставалась.

– Место не такое уж и большое. Кто-нибудь что-нибудь видел. Продолжайте прочесывание. И допросите отца. Мне не нравится, что он был осужден за похищение девушки того же возраста, что и его дочь.

– Знаете, я уже дважды его допрашивал, – недовольным тоном напомнил Болдуин.

– Заводиться не надо; просто позаботьтесь о том, чтобы мы сделали все необходимое. – Повернув леденец во рту, Джекс спросил: – Где отец?

– А что?

– Сначала я сам хотел бы поговорить с ним.

– Агент Болдуин разговаривал с ним все утро, – вмешалась Ярдли. – Может, дать ему немного отдохнуть?

– Я быстро, – Джекс подмигнул. – Обещаю.

– Кайл, пожалейте несчастного отца, – Ярдли скрестила руки на груди. – Он потерял жену, и вот теперь дочь.

– Также он в свое время похитил девушку тех же лет. Вам это не кажется слишком уж большим совпадением?

– Ничего не исключаю, – сказал Болдуин, – но у Такера Фарра образование пять классов. Он производит впечатление человека, хорошо знакомого с работами малоизвестного кенийского художника?

– Не знаю. Я пока с ним не общался. В отделе по борьбе с наркотиками главное – прочитав человека. И я намереваюсь сам прочитав этого Фарра. Если вас, ребята, это не устраивает, можете жаловаться Рою Лью. – Джекс подмигнул Ярдли. – Не беспокойтесь, красавица! Я знаю, что делаю.

Когда он зашел в дом, Болдуин мрачно произнес:

– Вряд ли я буду получать удовольствие от общения с этим типом.

– Ну, лучше тебе поговорить с ним по душам, потому что вам придется тесно взаимодействовать.

Болдуин перевел взгляд на детскую площадку.

– Ты это точно?

– В смысле?

– Решила уйти? Прямо сейчас у тебя нет охотничьего азарта? Такая спешка после того, как ты услышала про телефон и ожерелье... Тебе прекрасно известно, что ты почувствуешь, когда мы установим личность убийцы и узнаем, что произошло с Хармони. Это подобно дозе адреналина прямо в сердце. Я знаю, что в прошлом ты испытывала такое. Ты правда не будешь по этому скучать?

– Я не испытываю никакого возбуждения, Кейсон. Я ощущаю только... печаль. Мне жалко девочку и жалко ее родных. – Шумно вздохнув, Джессика сказала: – Звони мне, если будет что-нибудь новое. Кажется, я знаю, кто нам тут поможет.

Глава 15

Ярдли пришла в ресторан пораньше, чтобы заказать столик. Она терпеть не могла заведения подобного рода: непомерно дорогие, с показным блеском. Однако ресторан должен был понравиться тому, с кем она встречалась. Произвести на него впечатление.

Ее усадили в отдельный кабинет и принесли горячий хлеб и оливковое масло. Ярдли откусила маленький кусочек, и тут в зал вошел Джуд Чанс.

Щуплый, в очках, он успел полысеть, что не вязалось с его молодым возрастом. Чанс обвел взглядом зал и увидел Ярдли.

– Ты, как всегда, выглядишь знойной, – сказал он, подсаживаясь к ней.

– Не вынуждай меня швырнуть в тебя чем-нибудь.

Улыбнувшись, Чанс взял кусок хлеба.

– Вот что мне всегда в тебе нравилось, Джесс. У тебя есть характер. Большинство тех, кому от меня что-то нужно, безропотно выслушивают то, что я им говорю, но у меня такое чувство, что, если я выскажусь насчет твоей попки, ты врежешь мне в челюсть.

– Возможно. А еще у меня есть баллончик со слезоточивым газом.

Чанс хмыкнул.

– Вино или пиво?

– Пиво, пожалуйста.

Подозвав официантку, Чанс заказал бифштекс с луком и два пива.

– Итак, что там у тебя? – спросил он с набитым ртом.

– Полагаю, ты уже знаешь про Хармони Фарр.

– Разумеется. Каким бы криминальным репортером я был, если б не был в курсе самого громкого дела в нашем городе за последние десять лет! На самом деле я как раз читал какую-то идиотскую статью на этот счет, прежде чем отправиться сюда. Ее написал этот кретин Джонни Макдермот. Он считает, что их двое.

– Двое?

– Палачей. И один из них делает все, чтобы его поймали, а второй – нет. Бред полный, и Макдермот написал его только ради того, чтобы увеличить число подписчиков. Но это же чистое безумие! О, я даже не спросил, тебе понравилось прозвище? Палач? Я сначала хотел назвать его Мясником, это вызывает более жуткие образы, но такое прозвище на самом деле не подходит, поскольку крови было мало. Кстати, блестящая работа – найти связь с картинами Сарпонга. Думаю, ФБР потребовалось бы несколько месяцев, чтобы дойти до этого.

О связи с картинами было известно лишь горстке людей. Такой крохотной, что их можно было бы пересчитать по пальцам одной руки.

– Меня не перестает поражать, Джуд, какие у тебя отличные источники информации. Как тебе это удастся? Все, кто знает про картины, были строго предупреждены молчать об этом, поскольку речь идет о человеческих жизнях, и начальство снесет им голову с плеч, если эта информация просочится, – но ты тем не менее узнал.

Пожав плечами, Чанс самодовольно усмехнулся.

– А кто говорит, что это не само начальство? Если хочешь предотвратить утечки, плати этим людям больше, чтобы они не нуждались в моих деньгах.

– Я так понимаю, это означает, что ты мне не скажешь? Даже если я дам слово, что это останется между нами?

– Ни за что на свете.

Официантка принесла два стакана пива. Чанс выпил свой залпом.

– Угощайся, – сказала Ярдли, пододвигая ему свой стакан. Он отпил глоток.

– Итак, Джесс, ты никогда не обращаешься ко мне, если у тебя нет на мой счет каких-либо планов. Неужели ты меня совсем не любишь?

– Я тебя люблю, просто мне нужно быть осторожной. Если всплывет, что мы с тобой обмениваемся информацией, мой шеф мне этого не простит.

– Почему? Если хрен на скамье подсудимых получает срок, какое Лью до этого дело?

Покачивая головой, Ярдли сплела руки и положила их на

стол.

– Так дело не делается. Главное – соблюсти внешние приличия. Порой мне кажется, что для начальства важнее благоприятное общественное мнение, чем обвинительный приговор.

– Блин, так везде. – Чанс отпил большой глоток пива. – Вот что такое бюрократия. Не суетись и прикрывай свою задницу. Вот почему я ушел из газеты и работаю сам по себе.

– Ты никогда не думал о том, чтобы вернуться в законопослушный мир новостей?

– Законопослушный? – Он фыркнул. – Не существует легальных источников информации. У всех есть своя цель, которой все добиваются любыми средствами. – У него пискнул телефон, предупреждая о пришедшем сообщении, и Чанс быстро набрал ответ, после чего сказал: – Ладно, мы с тобой давно не встречались. Как у тебя дела?

– Вообще-то я увольняюсь.

Опешив, он поставил стакан на стол.

– Правда? Вообще завязываешь с этим ремеслом?

– Про вообще сказать не могу, но из прокуратуры я точно ухожу. Перебираюсь в Санта-Бониту. Подумываю о том, чтобы заняться частной практикой и братья только за простые дела. Я с огромной радостью каждый месяц разбиралась бы с несколькими завещаниями и усыновлениями.

Проводив взглядом прошедших мимо молодых женщин, Чанс сказал:

– Хочешь бесплатный совет? Это не твое. Даже близко. Тебе будет не хватать всего этого дерьма. Я уже видел такое у бывших следователей и федеральных агентов. На твоём месте я бы хорошенько подумал, прежде чем посылать все к черту. – Он допил пиво. – Полицейские наивно полагают, что будут счастливы, когда выйдут в отставку и наймутся телохранителями к какой-нибудь знаменитости, однако это не так. Есть люди, которым просто необходимо участвовать в охоте, понимаешь?

Откинувшись назад, Ярдли вздохнула и обвела взглядом зал.

– Мне нужно знать, что у тебя есть на Хармони.

– Да? – сказал Чанс, глядя на пустой стакан в руке. – И с чего ты взяла, что у меня есть нечто такое, чего нет у тебя?

– Полной уверенности нет, – она пожала плечами, – но я знаю, что ты имеешь источники, о которых ты мне не скажешь.

– Что я получу взамен?

– Что ты хочешь?

У него зажглись глаза.

– Ты слышала о серийном насильнике в Блумингтоне? Который врывается в дома?

– Да.

– Этим делом занимается твоя уважаемая коллега Бритни Смит. Меня она на дух не переносит. Не хочет ничем делиться. Она съездила туда и пригрозила детективу-сержанту

из отдела сексуальных преступлений судебным преследованием, если хоть какая-то информация просочится в прессу, поэтому он держит все под замком. Я хочу, чтобы ты разузнала у него что к чему и рассказала мне.

– Расследованием занимается полиция округа. Я не обладаю юрисдикцией говорить им, что делать.

– Да, но у вас с Бритни хорошие отношения, правильно? Сестры Ордена переходящих штанов жертв¹² или чего там еще? Мне насрать, как ты это сделаешь, просто добудь мне то, что у них есть, чтобы я смог написать материал.

– Вмешиваться в расследование я не стану. Но поговорю с Бритни и замолвлю за тебя словечко. Скажу ей, что человек ты хороший, и попрошу оказать тебе любезность. Что-нибудь получишь.

Чанс задумался.

– Что ж, это лучше, чем ничего. Договорились.

Официантка принесла стаканы с пивом и забрала пустые.

– Что у тебя? – спросила Ярдли.

– Папаша. В свое время его осудили за похищение девицы такого же возраста, о чем, полагаю, тебе известно, так?

– Так. Мне также известно, что в две тысячи втором с него

---

¹² Намек на серию романов американской писательницы Энн Брешерс «Сестры Ордена переходящих штанов» (в русском издании – «Союз «Волшебные штаны») и голливудские фильмы по ним (в русском переводе – «Джинсы-талисман»); сюжет рассказывает о компании девушек, купивших на четверых одни удивительные джинсы, которые подходят любой из подруг, несмотря на разницу параметров тела.

были сняты обвинения по этой статье.

– Ого! Даже для вашей братии не так просто ознакомиться с закрытыми делами такой давности... Как тебе это удалось?

– У меня тоже есть свои источники, – усмехнулась Ярдли. – Так что ты должен предложить мне кое-что получше.

– Тогда как тебе нравится вот такое: ты знаешь, сколько раз опеку вызывали к ним домой по заявлениям о физическом и сексуальном насилии?

– Знаю – восемь.

– Точно, восемь. Восемь раз, черт возьми, и девочку так и не забрали из дома. Кейти приводила к себе всякий сброд, с которым якшалась, и кое-кто из них приставал к Хармони. Однако один ее дружок был похуже остальных. Девочку дважды забирала «Скорая». Мой источник сказал, что Хармони дала против этого типа показания в суде, и его упекли, дали реальный срок. Архивы службы опеки засекречены, но если ты в них заглянешь и найдешь имя, ты передо мной в долгу. Потому что я готов поспорить с тобой на еще один обед, что этот хрен вышел на свободу и захотел получить по счету. – Он обвел взглядом ресторан. – И у меня... мм... есть кое-что еще.

– Что?

– Ну, будем считать это небольшим презентом. Фотография, которая, полагаю, тебя очень заинтересует.

Глава 16

Ярдли стояла в кабинете Болдуина перед его столом. Они направили запрос в департамент опеки на все материалы, связанные с Хармони Фарр, и ожидали ответа. А пока что Ярдли хотела заглянуть в прошлое Такера Фарра.

– Такер Б. Фарр, – сказал Болдуин. – Родился двенадцатого июня шестьдесят шестого года, восемнадцать задержаний и полдюжины обвинительных приговоров. Самое серьезное дело – похищение, за которое он отсидел двенадцать лет в Лоу-Дезерт-Плейнс, на свободу вышел четыре месяца назад; и есть еще обвинение в похищении в две тысячи втором, которое было снято, а затем дело закрыли. Таких давних закрытых дел в электронной базе быть не должно. – Откинувшись назад, он посмотрел на Ярдли. – Сам Такер утверждает, что тот случай, за который он был осужден, это одно сплошное недоразумение. Как ты думаешь, какова вероятность того, что такое случилось дважды?

– Астрономическая. Я хочу ознакомиться с материалами закрытого дела. Если выяснится, что у Такера особая тяга к четырнадцатилетним девочкам, список подозреваемых в похищении Хармони ужмется до предела.

– В таком случае нам нужно ехать в архив и брать оригинал дела.

– Машину веду я.

По дороге в архив они почти не разговаривали, но Ярдли, несколько раз поймав на себе взгляд Болдуина, поняла, что он хочет о чем-то ее спросить. Вероятно, о чем-то таком, о чем ей не хотелось бы говорить.

– Ты ведь понимаешь, с кем нам следовало бы поговорить о картинах и о том, что они означают, правильно?

Ярдли оторвала взгляд от дороги.

– Ты это серьезно?

– Это я так, к слову. Если бы была хоть какая-то надежда на то, что он поговорит со мной, я бы к нему отправился. Но я ведь прав, так? Эдди Кэл должен знать, что означают эти картины.

Она взглянула на него.

– Я больше не собираюсь с ним встречаться, Кейсон. Честное слово, я поражена, что ты это предложил.

– Джесс, пропала четырнадцатилетняя девочка, и я не знаю, сколько еще она будет оставаться в живых. Мы, по крайней мере, должны быть готовы обсудить все наши варианты.

– Эдди Кэл – не вариант.

Болдуин помолчал перед тем, как ответить.

– Как скажешь.

До конца поездки он больше не проронил ни слова.

Полицейский участок Фрут-Хейтс состоял из двух человек: начальника и патрульного.

Фрут-Хейтс возник как центр придорожного обслуживания. Несколько ресторанов и заправок сгрудились возле двух съездов с автострады, а между ними разместились три мотеля. Единственное казино хвалилось пивом по одному доллару в «счастливые часы», а дома четырех тысяч жителей поселка стояли дальше в пустыне. Достаточно далеко, чтобы не привлекать к себе внимания.

Полицейский участок размещался в административном здании; Ярдли остановилась перед ним. Когда она выходила из машины, пришло сообщение от Ривер о том, что Майкл Закари хочет с ней познакомиться. Она предложила поужинать вместе у нее дома.

– Кто это был? – спросил Болдуин.

– А что?

– У тебя зажглись глаза.

– Ревнуешь?

– Немного. Сомневаюсь, что у тебя зажигаются глаза, когда ты получаешь сообщения от меня.

– Просто знакомая. – Ярдли поколебалась. – Энджела Ривер.

– Ты поддерживаешь отношения с жертвами, да?

– Да, Кейсон, можно быть в хороших отношениях с человеком, даже если он стал жертвой преступления. Это не заразно.

– Ого, полегче! Я имел в виду совсем другое. Просто будь осторожнее – вот что я хотел сказать. Я как-то встречался с девушкой, проходившей по одному делу, и это по мне больно ударило. Как выяснилось, она просто выкачивала из меня информацию по этому делу, чтобы передавать ее обвиняемому, своему бывшему другу. Мне следовало бы дождаться завершения расследования.

Полицейский участок находился справа в дальнем конце. В приемной их встретила пожилая женщина с пышными рыжими волосами. Предъявив значок, Болдуин спросил, можно ли поговорить с начальником полиции Уилсоном. Из кабинета вышел коренастый мужчина с пышными усами в полицейской форме с золотыми звездами на плечах.

– Я Билли Уилсон.

– Кейсон Болдуин, ФБР, а это Джессика Ярдли из федеральной прокуратуры. Мы хотели бы занять минутку вашего времени.

Уилсон смерил их взглядом.

– Да, конечно. Проходите в кабинет.

Пол в кабинете был застлан старым протертым ковролином, а единственным украшением являлись несколько медалей и фотография Уилсона вместе с группой спецназа из Лас-Вегаса.

– Значит, только вы и один подчиненный, так? – сказал Болдуин. – Не могу решить, хорошо это или плохо.

– О, определенно хорошо. Преступлений у нас почти не

бывает, так что мы вдвоем прекрасно справляемся. Машинами занимается дорожная полиция, а мы берем на себя все остальное. – Помолчав, Уилсон снова смерил взглядом своих гостей. – Итак, в чем дело? Федералы редко заглядывают сюда, чтобы просто поздороваться.

– Нас интересует одно ваше старое дело, которое было закрыто. Хотим ознакомиться с материалами. Такер Фарр, дата рождения двенадцатого июня шестьдесят шестого года. Был арестован за...

– Похищение несовершеннолетней. Да, помню это дело.

– Даже по прошествии восемнадцати лет?

Уилсон откинулся назад, распирая животом мундир.

– Я сам занимался им, а такие у нас бывают нечасто. На самом деле, по-моему, единственное подобное за те двадцать два года, что я здесь работаю.

– Кто был жертвой? – спросила Ярдли.

– Бедняжка по имени Сью Эллен Джонс. Четырнадцать лет. Ждала школьный автобус. Остановка меньше чем в ста шагах от ее дома. Мы... В общем, до сих пор не знаем, что с ней произошло, но тело так и не было найдено.

– Почему Такер? – спросил Болдуин.

– Его видел свидетель. Бобби, младший брат Сью Эллен. Он шел к автобусной остановке, потому что долго собирался. – Уилсон покачал головой. – Исчезновение сестры сломало мальчишку. После этого не мог нормально говорить. Его выгнали из школы, он так и не доучился... Здорово ему

досталось.

– Родители?

– Только отец. Мать умерла от рака, когда дети еще были маленькими.

– Отец жив?

– Нет, упился до смерти, сукин сын. Умер от проблем с печенью всего через несколько месяцев после похищения Сю Эллен. Бобби отдали приемным родителям. Что с ним было дальше, я не знаю.

– По каким признакам он опознал Такера как похитителя сестры? – спросила Ярдли.

– В то время у Такера был пикап с бычьим черепом на радиаторе, Бобби узнал его и разглядел за рулем самого Такера. Он прибежал домой и сказал отцу, но тот был пьян в стельку; тогда Бобби прибежал в полицейский участок. Телефона у них не было. К этому времени Такера уже и след простыл.

– Почему не было обвинительного приговора? – спросила Ярдли.

– Из-за чертова адвоката, вот почему. Подонка по имени Дэн Ричардс. Был в наших краях общественным защитником, пока не умер от проблем с сердцем.

– Что произошло? – спросил Болдуин.

– Мы захватили с собой Бобби, чтобы тот опознал Такера. Дэн вынудил судью признать, что мы повлияли на показания мальчишки, и он отмел все, что мы нашли у Такера дома и что он нам сказал.

– Вы привели единственного свидетеля опознать задержанного подозреваемого, не организовав должным образом процедуру? – изумился Болдуин.

Лицо Уилсона залилось краской гнева, и Ярдли поспешно сказала:

– Вы обнаружили в доме Такера что-либо из вещей Сью Эллен?

Переведя взгляд на нее, Уилсон кивнул.

– Ее ранец. Но только не в самом доме. Он лежал в мусорном контейнере в двух кварталах от жилого прицепа Такера. В том же контейнере нашли ее учебники, а в пикапе Такера – ее волосы. Мы полагали, что они ее. Криминалисты из лаборатории штата не смогли установить это со стопроцентной уверенностью. И Такер говорил странные вещи. Теперь я их уже не помню, но тогда мы были убеждены в том, что он похитил Сью Эллен. – Выдохнув, Уилсон откинулся на спинку кресла. – Так или иначе, Такер вышел из зала суда как ни в чем не бывало. Собрал пожитки и через две недели уехал.

Взглянув на Ярдли, Болдуин сказал:

– Я бы хотел посмотреть материалы дела и вообще все, что у вас есть.

– Ну да, почему бы и нет? – Уилсон пожал плечами. – Родственников не осталось, но, если случится чудо и вы найдете тело, я буду рад, если предадите его земле по христианским обычаям.

Глава 17

В Лас-Вегас они возвращались уже вечером. Машину вел Болдуин. Уилсон сказал, что ему нужно будет забрать материалы дела из архива в центре города, после чего его секретарша отсканирует и отправит по электронной почте все, что у них есть на Такера Фарра.

– Все это слишком просто, – сказала Ярдли. – Такера по чистой случайности обвиняли в похищениях девушек одного возраста с Хармони?

– Возможно, он пытается остановиться и тем упрощает нам жизнь. Я с таким уже сталкивался.

Болдуин хорошо помнил одно дело, которым занимался много лет назад: молодой отец, преподаватель средней школы. Он похищал маленьких мальчиков и душил их у себя в подвале. Рядом с трупами оставлял какие-то вещи и записки, а затем прикрывал тела, словно стесняясь содеянного. Одной из вещей был игрушечный солдатик ручной работы, купленный в местном магазине, а записки он подписывал своими настоящими инициалами. После того как его задержали, учитель сказал, что хотел остановиться, но не мог, и надеялся, что его поймают.

Он не смог объяснить, почему просто не пришел в полицию и не признался. Что-то отвратительное и черное у него внутри не позволяло ему так поступить. И максимум, что он

мог, — это оставлять свои инициалы.

— Если это Такер, откуда картины? Они не имеют никакого отношения к четырнадцатилетним девочкам. — Ярдли покачала головой. — Кто бы это ни был, он просто играет с нами, и нам не остается ничего другого, кроме как подыгрывать ему. Он понимает, что мы должны на всякий случай отрабатывать все зацепки. Он отвлекает наше внимание, Кейсон. Я боюсь, что с третьей жертвой он собирается сотворить что-то серьезное, а для этого ему нужно, чтобы мы гонялись за теньями.

— У меня тоже такое ощущение, но ты права — мы должны проверять абсолютно всё. Я узнаю, может быть, нам дадут в подмогу кого-нибудь из местной полиции, чтобы заниматься Такером, а мы тогда сможем сосредоточиться на жертвах. Преступник выбирал их сознательно, и, если мы сможем определить, что связывает этих двух женщин, мы его вычислим.

— Двух?

— Я полагаю, пока что мы не можем считать Хармони жертвой Палача. Такер сказал, что она не говорила о смерти своей матери и вообще не выказывала почти никакой реакции. По-моему, вполне естественный отклик на психологическую травму. И у нее могла возникнуть мысль, что ей лучше исчезнуть. Я по-прежнему думаю, что Хармони, возможно, просто сбежала из дома.

— Мы оба понимаем, что это не так. Особенно после об-

наружения ее телефона и ожерелья. А отсутствие реакции также может означать отсутствие сочувствия. Мать на протяжении многих лет спокойно смотрела на то, как над ее дочерью издеваются. Возможно, у девочки накопилось столько злости на нее, что она не испытывала боль утраты.

– Возможно, и все-таки мы должны отрабатывать все предположения до тех пор, пока у нас не будет полной уверенности.

– До тех пор пока мы не обнаружим Хармони висящей под потолком, ты хочешь сказать?

Наступило молчание. Наконец, остановившись на красный свет, Болдуин кашлянул.

– В настоящий момент нашим лучшим источником информации является Энджела Ривер. И тому, кто с ней близок, будет проще получить от нее то, что мы могли пропустить.

– Я с ней поговорю, – кивнула Ярдли.

Высадив ее у дома, Болдуин сказал, что перешлет ей материалы обоих дел Такера, чтобы она была в курсе.

– Я должен буду также отправить их и Кайлу Джексу, – добавил он.

– Понимаю. Ничего страшного.

– Если у меня что-нибудь будет, я тебе позвоню.

Когда Ярдли вернулась домой, Тэра лежала на диване, в футболке и шортах, и смотрела телевизор.

– Приготовила ужин, – не отрываясь от экрана, сказала она. – Он в духовке.

– Ты *приготовила* ужин?

– Просто решила быть хорошей.

Подойдя к дочери, Ярдли поцеловала ее в макушку.

– Я очень это ценю, дорогая. Но сегодня мы ужинаем в гостях.

– Вот как? И где?

– У Энджи.

Потянувшись, Тэра выключила телевизор. Ярдли ушла в спальню переодеться. Надев джинсы и блузку, она уселась на кровать, чтобы застегнуть сапожки, и тут в комнату вошла Тэра. Она остановилась в дверях, крутя в руках пульт от телевизора.

– В чем дело? – спросила Джессика.

– Ты о чем?

– Ты можешь меня читать, но это работает и в обратную сторону, моя маленькая мисс. Что стряслось?

– Я беспокоюсь насчет Энджи.

– Почему?

– Прочитала в «Сан» заметку об этом деле. – Тэра пожа-

ла плечами. – Как-то странно, что она осталась в живых, ты не согласна? Я хочу сказать, почему Палач не проверил ее пульс и не убедился в том, что она мертва? Слишком уж это удобно.

– Слишком удобно? – усмехнулась Ярдли. – По-моему, ты чересчур много смотришь сериал «Место преступления».

Тэра склонила голову набок, словно обдумывая, как лучше сформулировать следующую фразу.

– Ты обратила внимание на татуировку у нее на левом плече? Энджи сказала тебе, что она означает?

– Она сказала, это руна, означающая что-то в духе «тот, кто сам творит свою судьбу».

– Я тоже ее узнала, поэтому провела кое-какие исследования. Это не буквальный перевод. Буквальный перевод гласит следующее: «Тот, кто сражается с судьбой». Почему для Энджи это так важно, что она сделала такую татуировку?

– Может быть, Судьбой¹³ звали какую-то ее одноклассницу, которую она ненавидела?

– Я серьезно, мам.

Застегнув сапожки, Ярдли подняла взгляд на дочь.

– Я очень, *очень* признательна тебе за то, дорогая, что ты всегда заботишься обо мне. Но я сама могу за себя постоять. А от тебя мне нужно только то, чтобы ты полностью раскрыла свой потенциал. Вот почему я прошла через все это, Тэра.

---

¹³ Англ. Destiny; по некоторым оценкам, имя Дестини входит в 50 самых популярных женских имен в США.

Работала на двух работах и училась, времени спать совсем не оставалось. Обходилась без еды, носила старую одежду с заплатками. Все это я делала, чтобы у тебя был шанс добиться в жизни чего-нибудь. Если ты и вправду хочешь мне помочь, будь счастлива и добейся всего того, чего, знаю, ты можешь добиться.

Тэра кивнула так, словно уже давно все это знала.

– Мы никогда не говорили по-настоящему о том, что произошло с Уэсли.

Ярдли внимательно посмотрела на свою дочь. Сильный внешний фасад, за которым скрывается пламенный ум, но также и беззащитная ранимость. Тэра до сих пор не знает, кто она и какое место займет в мире, и со скоростью сто миль в час несется навстречу взрослению. Принужденная к этому чудовищем-отцом и матерью, впустившей в свою жизнь его двойника...

– Не нужно говорить об этом. Что было, то было. И незачем к этому возвращаться. Но, Тэра... чтобы больше *никогда*. Я не хочу, чтобы ты даже просто знала о моих делах, так что прекрати читать о них в интернете. Сосредоточься на учебе и работе.

Тэра бросила пульт на кровать.

– Знаю. Но... ты – это все, что у меня есть.

Тэра произнесла это с тоской, пронзившей Джессике сердце. Она потянулась к дочери, но та уже развернулась и вышла из комнаты.

Дом находился в центре города, недалеко от бульвара. Два этажа, большая лужайка, подъездная дорога в форме подковы со стоящим перед крыльцом «Мерседесом».

– Красиво, – заметила Тэра, когда они направились к входной двери. – Если заводить друзей, то только богатых, правильно?

Они поднялись на крыльцо, и Ярдли сказала:

– Веди себя хорошо, моя маленькая мисс.

– Что, ты боишься, я напьюсь и набью кому-нибудь морду?

– Иногда ты просто развлекаешься, играя другими людьми. Вселенная наделила тебя блистательным умом не для того, чтобы играть людьми. Так что, пожалуйста, только не здесь.

– «Вселенная»? Ого, кажется, ты и правда проводишь с ней слишком много времени...

– Просто веди себя хорошо. Пожалуйста.

Ярдли позвонила. Дверь открыл мужчина в белой рубашке. Стройный, с темными выющимися волосами, он чем-то напомнил консервативного политика. Ярдли представляла себе ухажера Ривер совсем не таким.

– Должно быть, вы Джессика, – сказал он, протягивая руку. Ярдли пожала ее. – И Тэра, верно?

– Точно, – фальшиво улыбнувшись, подтвердила Тэра.

– Майкл Закари. Рад с вами познакомиться. Проходите.

Внутри царила та же утонченность, что и снаружи. Просторный атриум, изгибающаяся лестница, ведущая на второй этаж, на стенах предметы южноазиатского искусства. У двери на белой колонне стоял бюст Будды, в противоположном конце восседал еще один Будда, бронзовый.

– Привет! – сказала появившаяся из кухни Ривер. Она обняла Ярдли, затем Тэру. – Ребята, я так рада, что вы пришли!

– У тебя красивый дом, Энджи, – сказала Ярдли.

– На самом деле это дом Закари, но какая разница, правда?

– Охренеть можно, – сказала Тэра. Она оглянулась на мать, и та неодобрительно нахмурилась. – Я хочу сказать, очаровательный дом. И машина. И картины мне тоже очень нравятся. На самом деле я здесь всё обожаю, это замечательно!

– Ты просто прелесть. Итак, позвольте устроить вам обзорную экскурсию.

Пока Закари, извинившись, отправился к себе в кабинет заняться кое-какими бумагами, Ривер проводила гостей по дому. Они зашли в спальню, просторную, главное место в которой занимала такая огромная кровать, что на ней запросто поместились бы восемь человек. Кровать была прикручена к стене, и создавалось впечатление, будто она парит в воздухе. Шкаф для одежды размером с небольшую комнату, ванная, также просторная. Унитаз из светло-голубого мрамора, как

и биде.

– Зачем два толчка? – удивилась Тэра.

– Это биде. Никогда не видела?

– Даже не слышала.

Ривер открыла кран, и хлынула струя воды.

– Ого, – воскликнула Тэра, – гениально!

Они вышли во двор к бассейну – большому прямоугольнику с темно-синей плиткой и подсветкой в каждой стене. Вода двигалась небольшими волнами, красиво отражая свет во всех ракурсах. У лестницы, ведущей в бассейн, стояли две скульптуры.

– Я *обожаю* этот бассейн! – сказала Тэра.

– Слушай, мы им почти не пользуемся. Я его открываю, только чтобы дать остыть воде. Приходи в любое время.

– Правда?

– Конечно. И приводи друзей.

– Энджи, не надо, – сказала Ярдли.

– Нет, я этого хочу. Так приятно слышать в доме юные голоса... – Кашлянув, Ривер оглянулась на дом. – Ужин уже почти готов. Надеюсь, ребята, вы проголодались.

* * *

Ужин прошел очень мило, заполненный рассказами Ривер о ее путешествиях по всему миру: общение с индейцами в джунглях Амазонки; сёрфинг в прибрежных водах Юж-

ной Африки, кишащих гигантскими белыми акулами; курение гашиша в парке в Амстердаме в компании полицейских. Ярдли все это казалось просто... неправдоподобным.

Она также узнала, что Ривер и Закари собрались пожениться и договорились взять фамилию Энджелы. Потому что, как сказала Ривер, она скорее повесится, чем позволит каким-то патриархальным предрассудкам указывать ей, какую фамилию она должна носить.

Ярдли попрощалась около десяти вечера. Ривер обняла ее и сказала, что свяжется завтра. Затем она обняла Тэру и повторила свое приглашение приходить в любое время с друзьями и пользоваться бассейном.

Закари пожал гостям руки и снова скрылся в доме. За ужином он, похоже, чувствовал себя неуютно. Ярдли обратила внимание на некоторые его странные привычки. Он симметрично раскладывал еду на тарелке, салфетка его была сложена под идеально прямым углом, вилка неизменно лежала слева, а нож – справа. У нее мелькнула мысль, не связано ли это с тем, как, по словам Ривер, Закари отнесся к тому, что с ней произошло.

Когда они вернулись домой, Ярдли остановилась перед крыльцом и сказала:

– Сейчас я должна встретиться с одним человеком. Включи сигнализацию, как только войдешь в дом.

– Наверное, я рвану к Стейси, если ты ничего не имеешь против. И дом ее ближе к лаборатории.

– Всё в порядке. Просто не забудь...

– Позвонить тебе, если я пойду куда-нибудь в другое место. Да, я знаю порядки, дуче¹⁴.

– Тэра, это не смешно.

Улыбнувшись, дочь вышла из машины. Проводив взглядом, как она зашла в дом, Ярдли включила на телефоне приложение системы безопасности. Она тронулась только после того, как Тэра включила сигнализацию.

Отъезжая от дома, Ярдли ощутила сильную тоску. Ей предстояло встретиться с человеком, который воскресит глубоко погребенные воспоминания. Однако Палач не оставил ей выбора.

---

¹⁴ Титул фашистского диктатора Италии (1922–1943) Б. Муссолини.

Глава 18

Материалов дела оказалось совсем немного. Болдуин прочитал их по телефону, сидя за столиком открытого кафе. Наступила ночь, взошла луна.

Кейсон рассеянно макал ломтики картошки в кетчуп и жевал дольше необходимого, прекрасно сознавая, что даже не чувствует вкус. Его мысли были в другом месте: в доме Фарров. Он пытался представить себе, какую жизнь вели Хармони и Такер и был ли он действительно тем, кто похитил Сью Эллен Джонс.

Болдуин достал фотографию Хармони, которую дал ему Такер. На ней девочка широко улыбалась, у нее были сапфировые глаза и вьющиеся волосы. Только взглянув на Хармони, Кейсон сразу же понял, кого она ему напоминает.

Болдуин стал самым молодым следователем в управлении полиции Сан-Франциско. Он сразу же рьяно взялся за работу, целенаправленно стремясь к тому, чем действительно хотел заниматься: ограблениями и убийствами. После смерти матери от руки ее друга, за что тот так и не понес наказания, Болдуин не видел для себя другого места – только в отделе расследования убийств.

Одно из его первых дел было связано с исчезновением тринадцатилетней девочки Анны Гордон. В полиции Сан-Франциско имелось отдельное подразделение, занимавшее-

ся преступлениями против несовершеннолетних, однако исчезновение Анны досталось Болдуину в наследство как часть расследования убийства ее тетки, с которой она проживала. После того как отец Анны по пьяни убил ее тетку, девочка, спасаясь от него, выбежала из дома в соседний парк. Больше ее никто не видел.

Болдуин разыскивал ее как ищейка, взявшая след. Днем фотография Анны стояла у него на столе, по ночам она ему снилась. Он видел ее повсюду, куда бы ни пошел: в продуктовых магазинах, кинотеатрах и торговых центрах. Один раз даже схватил за руку какую-то девочку, приняв ее за Анну.

Прорыв случился через семь недель после ее исчезновения. Следователи из отдела по борьбе с наркотиками задержали человека, заявившего, что у него есть информация о «хорошенькой девочке с молочного пакета»¹⁵. Болдуин его допросил. Задержанный сказал, что девочку продали за границу. Услышав это, Болдуин попросил повторить еще раз, решив, что он не так понял.

– Продали, мужик. Понимаешь, как машину или какую-то другую вещь. Она была просто товаром.

Болдуин схватил его за затылок и ударил лицом в стол. Другому следователю, присутствовавшему на допросе, пришлось оттаскивать его, иначе он сделал бы что-нибудь еще хуже.

---

¹⁵ В США фотографии пропавших людей размещают на упаковке ходовых продовольственных товаров, в первую очередь пакетах молока.

В обмен на снятие обвинений в торговле наркотиками задержанный назвал то место, где в последний раз видел Анну Гордон. Склад, сдававший помещения в аренду сутенерам и торговцам людьми, которым требовалось где-то держать свой товар, прежде чем переправить его в Мексику или на Ближний Восток. Болдуин был первым, кто вскрыл ворота, не дожидаясь ордера на обыск; в лицо ему ударило зловоние фекалий и мочи, однако Анны там не оказалось. Торговцы живым товаром успели очистить склад. Позднее Болдуин узнал, что опоздал всего на два часа. Каких-то два жалких часа могли бы спасти Анну от истязаний и рабства...

«Два часа», – подумал Кейсон, глядя на фотографию Хармони.

Он отложил фотографию. Ему нужно было оторваться от прошлого и сосредоточиться на настоящем.

Болдуин вернулся к материалам дела по Сью Эллен Джонс.

В деле имелось всего пять страниц, потому что в нем не было ничего, кроме косвенных улик, притом очень слабых. Школьный ранец Сью Эллен был обнаружен в мусорном контейнере за продуктовым магазином, в двух с половиной кварталах от того места, где жил Такер Фарр. Также там были найдены и другие ее вещи, но не в том же самом контейнере. Начальник полиции Уилсон знал, что Такер живет поблизости, и тотчас же повез Бобби, брата девочки, видевшего похищение, к прицепу Такера. Ни запроса на обыск и за-

держание, ни должной процедуры опознания: Уилсон просто завел мальчика в дом и, указав на Такера, который уже был в наручниках, спросил: «Это он?» Грубое нарушение Четвертой и Пятой поправок¹⁶ к конституции, а также накопившихся больше чем за сотню лет прецедентов. Полицейский не может просто указать на человека и спросить «Это он?», потому что в этом случае слишком велика вероятность ложного опознания. И последующее опознание, даже проведенное надлежащим образом, не будет иметь никакой силы, поскольку свидетель уже видел того, кого должен опознать.

Уилсон винил во всем адвоката, однако улики были признаны недействительными вследствие небрежной работы полиции.

Когда Уилсон и два следователя из соседнего города обыскали пикап Такера, они обнаружили на коврике на полу один длинный светлый волос. Экспертиза ДНК смогла установить только то, что этот волос человеческий. Ни пола, ни возраста. Однако волосы именно такой длины были у Сью Эллен на момент ее исчезновения. Никаких других улик найдено не было.

Болдуин прочитал показания Такера на допросе после обыска его пикапа и прицепа. Они состояли из странных фраз «я этого не делал, но если б захотел, то...» Такер слов-

---

¹⁶ Поправки соответственно о недопустимости необоснованного и не подкрепленного ордером обыска и задержания и о праве на полноценное судебное разбирательство.

но признавался в том, что мог убить Сью Эллен, но не делал этого, потому как сам подошел бы ко всему иначе. По его словам, он ни за что не стал бы похищать девочку при свете дня на автобусной остановке, а дождался бы, когда она будет где-нибудь одна ночью, и заманил бы ее под каким-нибудь предлогом, сославшись на родителей. Возможно, показал бы ей поддельный полицейский значок.

Это был очень странный способ утверждать о своей невиновности, однако Болдуину уже не раз приходилось сталкиваться с подобным. Вероятно, в тот момент Такер находился под воздействием наркотиков. И сценарий, описанный им, – терпеливо дожидаться, чтобы ребенок оказался в уязвимом положении, и воспользоваться тем предлогом, что его родители якобы в беде, заманив к себе в машину, – можно найти в брошюрах, циркулирующих в кругах педофилов. Явно серийный случай: если Такер ознакомился с пособием, это значит, что он выходил на соответствующие форумы педофилов в Даркнете¹⁷, и, значит, две девочки – не единственные его жертвы.

Болдуин перебрал различные варианты: или Такер Фарр и есть Палач, который хочет, чтобы его поймали, и считает, что избрал для этого лучший путь, или же он слишком туп и не отдает себе отчета в том, что убийство жены и дочери полностью сосредоточат расследование на нем. А мо-

---

¹⁷ Даркнет – скрытая виртуальная сеть анонимных зашифрованных каналов цифровой передачи данных, в основном использующаяся в противозаконных целях.

жет быть, тот таинственный мужчина, которого отправили за решетку благодаря показаниям Хармони, действительно вышел на свободу и решил навестить семейство Фарров... Хотя это никак не объясняет, каким боком здесь оказалась замешана Энджела Ривер.

– Как же я устал от этих долбанных психопатов! – вздохнув, пробормотал Болдуин.

Он отключал телефон для того, чтобы лучше сосредоточиться, и теперь включил его снова. Телефон тотчас же запищал, предупреждая о пришедшем сообщении. От Скарлетт.

– Твою мать! – выругался Болдуин. Начисто забыл, что они договорились поужинать вместе у нее дома... Торопливо собрав мусор, он открыл сообщение.

Поскольку, похоже, ты не собираешься озаботиться тем, чтобы прийти, наверное, мне лучше просто написать: я беременна.

Болдуин застыл с грязной посудой в руках.

– Твою мать! – пробормотал он снова.

Глава 19

Ярдли не была в Маленьком Сохо уже много лет. Получивший название в честь богемного района в Нью-Йорке лас-вегасский Маленький Сохо изобилдовал барами, художественными салонами, студиями йоги и даже магазинами товаров для взрослых.

Художественная студия находилась там же, где была и двадцать лет назад. Она переместилась сюда, когда Маленький Сохо еще был запущенным кварталом наркоманов, откуда не успели бежать приличные люди. Джилл Перри, владелица студии, в какой-то момент проведала о том, что район ждут серьезные перемены к лучшему, и купила здание за гроши. Здесь она устраивала выставки работ подающих надежды художников, привлечших ее внимание. Сейчас салон казался пустынным, и Ярдли подумала, что вскоре здесь обоснуется «Старбакс» или «Бургер-кинг».

В последний раз Джессика заходила в здание, держа за руку Эдди Кэла, и они поцеловались перед тем, как войти внутрь.

Ей показалось, что сердце застряло у нее в горле. С трудом сглотив комок, она закрыла глаза, мысленно представляя себе мирный ручей, освещенный лучами солнца, проникающими сквозь зелень деревьев по берегам, лениво плывущую по воде бамбуковую палку. Сосчитав до десяти, откры-

ла глаза и вошла внутрь.

Студия закрылась полчаса назад, посетителей здесь не было. Входная дверь осталась не заперта. Залы были просторные: паркетные полы и белые стены. Картины висели с равными промежутками, перемежаясь со скульптурами. Внимание Ярдли привлекло одно полотно. Молодая девушка тянулась к солнцу, ее лицо было сосредоточенным. Однако за другую руку ее держало что-то, торчащее из-под земли, не позволяя ей схватить солнце.

– Замечательная работа, – произнес за спиной у Ярдли женский голос.

Обернувшись, она увидела появившуюся из своего кабинета Перри. Скрестив руки на груди, та остановилась рядом с ней.

– Художница страдала шизофренией. Она говорила, что чувствует себя вот так. Полностью сознает, как ей нужно себя вести, понимает, какие поступки опасны и продиктованы ложными убеждениями, но не имеет сил себя остановить. Словно что-то ее удерживает. Пленница в собственном сознании.

Ярдли снова повернулась к картине.

– Очень красиво... и трагично.

– Вам не кажется, что этими же словами можно описать всю нашу жизнь?

Теперь Джессика смотрела женщине прямо в лицо.

– А вы почти не изменились.

– Нет стресса в лице мужа или детей. Я слышала, у вас есть дочь...

– Есть. Ей уже семнадцать.

Перри кивнула.

– Странно, но я начинаю забывать, как выглядел мой отец. Он превращается в неясное расплывчатое пятно. Зато я прекрасно помню последнюю нашу с вами встречу. Эдвард обнимал вас, а вы говорили ему, как гордитесь им. Странно, *что* сознание предпочитает помнить, а что забывает, не правда ли?

До ареста Эдди Кэла его картины и скульптуры часто выставлялись в студии Перри. В обозрении в «Лас-Вегас сан» она как-то назвала его гением, которому нет равных, и предсказала, что он войдет в историю как американский Пикассо. У них с Эдди были близкие отношения, и Ярдли всегда тревожилась, что имеет место роман. Теперь ей было странно думать, что именно *этот* секрет беспокоил ее в муже.

– Джилл, мне требуется ваша помощь, – сказала она.

Перри скрестила руки на груди.

– Я слушаю.

– Сарпонг. Его серия «Ночные твари». Мне нужно узнать про нее больше. И я имею в виду не только то, что можно прочесть в «Википедии» и блогах, посвященных искусству. Мне нужно понять, что означают эти картины.

– Зачем?

– Я теперь работаю в прокуратуре. В настоящий момент

веду расследование дела, в котором преступник копирует «Ночные твари» настоящими жертвами.

– Сделать это непросто, – Перри подняла брови.

– Мы можем пройти в ваш кабинет?

Маленький кабинет Перри был оформлен со вкусом: белые стены и одна-единственная картина за стеклом. Ярдли достала телефон и показала фотографии Кейти Фарр с места преступления, затем зарисовки того, в каком виде была обнаружена Энджела Ривер.

– Вторая жертва осталась жива.

Перри подолгу изучала каждое изображение. Закончив, она тихо промолвила:

– Невероятно!

Кровавое творчество маньяка произвело на нее впечатление, и от этого Ярдли стало тошно, хотя она постаралась сохранить лицо безучастным.

– Сарпонг был женоненавистником, – сказала Джессика. – Это очевидно. Возможно, именно это и делает убийца – идентифицирует себя с родственной душой, оживляя произведения искусства. Однако мне кажется, что тут дело в другом. В этих картинах есть что-то, что задевает его за душу, и мне требуется помощь, чтобы понять, о чем именно идет речь.

Перри еще раз взглянула на фотографии и рисунки, затем откинулась на высокую спинку кожаного кресла.

– Сарпонг – непростая личность. Он не давал интервью,

ни одна из его четырех жен не давала интервью, никто из его любовниц тоже ничего не говорил, и близких друзей у него не было. Нам известно только то, что написали о нем его соперники. Такое впечатление, будто Сарпонг сказал истории: «Никаких комментариев!» Все, что вы читали о нем в интернете, – сплошные догадки. Мы просто не знаем о его жизни достаточно, для того чтобы понять, что означают его работы.

– Вы защитили докторскую диссертацию по истории искусства и среди тех, кого я знаю, разбираетесь в живописи лучше всех. У вас должны быть какие-нибудь мысли.

– Среди ваших знакомых есть тот, кто разбирается в живописи лучше меня, – усмехнувшись, сказала Перри.

Внезапно Ярдли ощутила прилив тошноты. То же самое ощущение возникает, когда пытаешься читать в быстро едущей машине. Практически головокружение.

Перри права. У Эдди Кэла было такое понимание работ других художников, какого Ярдли больше ни у кого не встречала. Казалось, картины были окнами, позволяющими ему заглянуть в сознание автора.

– Не может быть и речи о том, чтобы узнать его мнение на этот счет.

Шумно выдохнув носом, Перри какое-то мгновение внимательно изучала Ярдли.

– Вы вся словно сияете. У вас в душе есть боль, это очевидно, но она только добавляет вам привлекательности. Мне хотелось бы как-нибудь вас изваять...

– Помогите мне поймать этого извращенца, и тогда можете ваять меня сколько душе угодно.

– Боюсь, тут я мало чем смогу вам помочь, – усмехнулась Перри. – Для меня картины Сарпонга – потемки. Я вижу только мучения и смерть. На мой взгляд, эти сцены никак не связаны между собой, если не считать того, что все жертвы одеты в черное и обмотаны бинтами. Если б вы спросили мое мнение как эксперта – скажем, для обзора в журнале, – я бы сказала, что художник передает на холсте образы, похищенные из кошмарных снов, жутких, чарующе-таинственных и одновременно парадоксальным образом знакомых и привычных. Это позволяет предположить, что художник выражает не только свой собственный кошмар, но коллективный кошмар всех людей как биологического вида. Свидетельством чего является тот факт, что многие психотерапевты вешают копии этих картин в своих кабинетах.

– Ну, а ваше настоящее мнение?

– Мое настоящее мнение – Сарпонг был сумасшедшим, и его картины – бред безумца. В них нет никакого смысла. Извините, но вы не найдете того, кто совершил эти преступления, пытаясь увидеть какой-то скрытый смысл в этих картинах. То, что в них видит преступник, он сам создал в своем воображении.

Ярдли убрала телефон.

– Благодарю, что уделили время.

Когда она уже встала и собралась уходить, Перри сказала:

– Возможно, оно того стоит.

Ярдли обернулась.

– Джессика, возможно, вам стоит его навестить.

– Уже навещала. Два года назад, по другому делу. И это едва не окончилось моей смертью.

Кивнув, Перри закинула ноги на стол, звякнув белыми каблуками о стекло.

– Вы ведь хотите спросить, был ли у нас роман, так? Я знаю, что вы еще тогда хотели это знать.

– По-моему, теперь это уже не имеет значения.

– Вот как? – усмехнулась Перри.

Какое-то время они молчали.

– Не было. Я этого хотела. Как-то раз даже попробовала. Эдди отказался. Он был верен вам. Для мужчины большая редкость – отказать той, которая так связана с ним сердцем и душой. Вы знаете, что такое души-близнецы? Существует теория, согласно которой у каждого человека есть душа-близнец, душа, абсолютно идентичная его собственной, с которой он встречается на жизненном пути, когда к этому готов. Это очень глубокая связь на физическом, эмоциональном и духовном уровне, однако душа-близнец не имеет ничего общего с сексом. Секс – это грубо. Примитивно. Душа-близнец значительно глубже, и длинная череда разрушенных браков – это следствие того, что люди пытаются установить романтические отношения со своей душой-близнецом, вместо того чтобы признать, что на самом деле всё

гораздо глубже. Родственная душа, с кем человеку следует установить романтические отношения, и душа-близнец, с кем нужно установить отношения духовные, – не одно и то же. Но когда человек встречает свою душу-близнеца, весь остальной мир словно исчезает, и он не хочет ничего другого, кроме как быть рядом с ней. – Она помолчала, погруженная в размышления. – Я была душой-близнецом Эдварда. А вы, должно быть, действительно имели над ним власть, раз он даже не попытался заняться со мной любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.